

[illegible]

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Публикация из ныне не существующего сайта <http://www.abi-1.com/>, копия которого пока что находится в веб-архиве <https://web.archive.org/web/20090525191937/http://www.abi-1.com/> К сожалению, картинки там не сохранились.... (Вставлены несколько из интернета.

-
- Предисловие
- Пугачёва "Белая Панама"
- Боярский и мама
- Муслим Магомаев и люкс
- Вова Ливитин и бильярд
- Папа и пилка дров
- Шалый
- Оружие
- Коля Кара (Не путать веники с физикой)
- Наталья Георгиевна, Китаец и девушка
- Армия — день 0-й и день 1-й
- Армия, один день войны
- Цена зарплаты
- Банановые острова (БО)
- БО — запись
- Троицкий и промышленный шпионаж
- И-Цзын, русский рок и "Конец света"
- О выносливости русских рокеров
- Муслим и джаз-рок
- Флейты, джаз и философия
- Пядман и " — что делать?"
- Белое солнце пустыни
- Эдуард Смольный
- Миллионы ангелов
- Ловушка, "чёрные дыры" и измерения
- Музыка — это вообще суть нереального
- Им

Юрий Чернавский / Yury Chernavsky

Архивы банановых островов. Том I

Archives of the Banana Islands. Vol. I

Mir-United Inc./ All Rights Reserved / 2002–2008, US

"Каждое Время выбирает своих оракулов..."

Предисловие

“Reason for the future — in the past”

Лос-Анджелес, конец ноября.

Я дремал на жарком лежаке около прохладного бассейна, когда заквакал телефон. Нащупав трубку, я поднёс её к глазам, посмотрел на дисплей и, увидев незнакомый номер, уже собрался отключиться, но почему-то взял и ответил.

Незнакомый голос назвался Майклом из Сан-Диего. Сказал, что прочитал моё послание в Википедию (Всемирная энциклопедия в интернете) и может мне помочь разобраться в гуляющей по свету моей биографической неразберихе. Так я познакомился с Мишей Романовым, талантливым биологом и тактичным образованным человеком, что есть величайшая редкость в наше время. Он и подтолкнул меня к осуществлению сего издания.

Я никогда не считал свою сумбурную жизнь достойной внимания потомков, но моя неугомонная натура частенько выдавала в процессе разных интервью какие-то клочки из новейшей музыкальной истории СССРа и Ре Фе, и интернетной публике это нравилось. Как-то Миша поинтересовался, а почему я ещё не издал всё это, чтоб полистать было можно?

Вот я и начал собирать записки, частично сохранившиеся на моём архивном хард-диске (который я называл “Банановый архив”) и попробовал склеить, так сказать, такой лоскутный экран из утекающего в никуда потока моего времени.

Получилось нечто... ни дневник, ни книга, в известном смысле... Это разрозненные отрывки событий, случившихся со мной в очень и не очень далёком прошлом, интервью, случайные мысли и следы идей, посещавших мою непутёвую голову в течение моей бестолковой жизни. И записывать всё это я начал, когда уже выбрался с того света, куда меня направили наши русские сердобольные профессора медицины.

Не понятно по какой причине, но 2002-м, заехав в Москву, я согласился на лёгкую косметическую операцию в госпитале аш имени Бурденко — спрятать пару выступающих вен на правой ноге. Мне бы в страшном сне не пришло в голову, что всё закончится спец-клиникой в Лос-Анджелесе, куда меня привезут уже плохо соображающим существом, похудевшим на 15 кило

(это при моей-то, весьма далёкой от полноты, фактуре!)...

Но и на этот раз бог миловал.

Хотя... кто знает...

В общем, уже сносно шатаясь по дому, наткнулся на компьютер и, совершенно спонтанно, начал что-то записывать-вспоминать, не напрягаясь и не лукавя... Так, для себя...

В результате у Вас появился подозрительный шанс побывать в натуральной шкуре простого музыканта хотя бы пару минут. Но только, побывав в этой шкуре, не осуждайте меня — каждый поступает, как умеет, и только бог каждому из нас персональный судья.

И неизвестно, что произойдёт с нами завтра, как ни планируй... Главное, что я понял — нет смысла ждать чего-то особенного в будущем, если оно, в какой-то мере, уже не состоялось в прошлом.

— Ищи будущее своё в содеянном тобой -

“Reason for the future — in the past”

Пугачёва "Белая Панама"

История создания одного незабываемого произведения

В середине 80-х я писал много и по разному. И часто заезжал к Алле (Алла Борисовна Пугачёва *ред.*) на Маяковку, чтобы показать свои наброски.

Мы садились, слушали, пили чай или коньяк и подолгу разговаривали про разную музыку, и как всё это можно сделать в совке. Кто-то приходил, рассаживались, слушали, встревали в разговор, и постепенно всё это превращалось в небольшое “party” до глубокой ночи.

Но бывало — мы с Аллой садились в мою белую “семёрку” и ехали ко мне в домашнюю студию, чтобы попробовать что-то заинтересовавшее обоих. Так вот, однажды мы подъехали ко мне и я остановил машину у тротуара недалеко от моего подъезда.

На Алле была длинная кофта и свободная юбка, расписанные контрастными яркими, затейливо переплетающимися жёлтыми, голубыми и красными узорами, напоминающими распушенный хвост павлина.

Ярко накрашенное лицо и розово-серебристые локоны, небрежно падающие на лоб. Ошеломляющее зрелище для московского обывателя 80х, да и не только для них... Я жил в ближайшем доме от метро Бауманская, на улице вечно переполненной народом.

Было часа два дня — в стране был обеденный перерыв и все спешили куда-то, толкаясь и бранясь.

Я помог Алле выбраться из машины и мы пошли к подъезду.

Люди заметили Аллу, кое-кто остановился, открыв рот — откуда это...здесь!.. И этот стобняк мощной волной словно заморозил галдящую серо-коричневую человеческую массу. Сотни людей, заполняющие широкую дорогу к метро, мгновенно смолкли, как будто всех выдернули из розетки, и неподвижно уставилась на Аллу, которая смеясь говорила мне что-то. Мы шли в звенящей тишине, обходя неподвижные фигуры людей, как в каком-то диком фантастическом фильме.

Мне стало жутковато, схватив Аллу за руку я буквально втащил её в подъезд. И за захлопнувшейся дверью в ту-же секунду тишина взорвалась обычным гамом и топотом. Мы посмотрели друг на друга, я отпустил её руку — “мать, ты что-ли выключателем работаешь?” Алла усмехнулась — “когда выключателем, когда включателем...” Она уже давно привыкла к такой реакции на своё появление и давно принимала это как

должное.

— Да-а, — почесал я подбородок и промахнулся догоревшей сигаретой в заплёванную урну.

Алла стояла в углу, перед микрофоном за звукозащитой ширмой. Мы писали новый сонг и Алла с заводом пела — на-на-на-на-аа, Давай! на-на-на-на-аа, Давай!.. Мы крутили рефрен и Алла по ходу придумывала слова к хуку “Давай”. Напели 5–6 версий и сделали перерыв. Я открыл коньяк. Выпили по паре рюмок, болтая о тексте и манере исполнения сонга.

— Юрок, ну-ка поставь, что мы там записали...

Я поставил магнитофон на перемотку и не попал — перемотал слишком много. Нажал “Play”. В колонки ударил бит и мой хриплый голос, напевающий на тарабарском английском мелодию — я готовился в вояжу в Италию на запись. Посмотрел на Аллу, та сосредоточенно слушала.

Ей всегда нравилось слушать полуготовый материал — там она искала замаскированные лабудой крючки, за которые можно было зацепиться и что-то придумать. Я остановил магнитофон. Алла плеснула а рюмки коньяка и подняла на меня глаза, отпила глоток — “что это было?”

Я рассмеялся:

— “Да там... Недели две назад я Лёне Дербенёву дал мелодии для фильма, слова писать, и случайно на кассете оказался этот сонг. Так тот на следующий день ко мне ввалился и с порога спрашивает — тебе деньги нужны? Отвечаю — а как же... и много. Лёня говорит — ну раз много то на, бери и скажи спасибо. И бросил на стол испечатанный листок. Я читаю, тайтл — “Белая Панама”.

Говорю — Лёнь, какая бл... панама? Через 3 дня музыку сдавать, а у меня ни одного текста к фильму нет. Лёня рукой махнул — дурак — говорит — тексты к вечеру привезу, не зуди. И исчез за дверью...”

Алла даже не улыбнулась — дай-ка текст. Я покопался в столе и протянул ей текст. Она говорит — включай.

Я нашёл начало наброска этой мелодии с подложенным черновым инструментальным треком и включил магнитофон... Ещё раз — приказала Алла и осушила полбокала коньяка — ещё так ещё — смеюсь я и тоже шарахнул полбокала:

— Ещё крутни, ну Юро-ок... Давай, давай...

Я крутил фонограмму с моим голосом и Алла в наушниках у микрофона поскуливала вместе с ним, заглядывая в листок со словами — учила мелодию с текстом. Я сидел в кресле, курил и потягивал коньяк. Так продолжалось минут двадцать. Алла отошла от микрофона и плюхнулась в кресло напротив.

Разлили ещё по глотку. Выпили. Посидели молча, Алла что-то помурчала под нос, вскочила:

— Ну давай я теперь сама.

Я убрал на пульте свой голос и дал фонограмму.

И вдруг... совершенно неожиданно из за ширмы, Алла блатным деревенским голосом заголосила:

— "Ах белая панама-а..."

Я так и покатился со смеху:

— Давай, мать — ору — дай им по их совковой башке. Покажи им светлое будущее, твою мать!..

А та, за ширмой переживает:

— "ах мама, мама, мама, Где твоя панама?"

Тут у меня силы кончились и я пулей вылетел в коридор, рыдая от смеха. Такой истерики со мной давно не было.

Я вернулся в комнату, Алла прихлёбывала коньяк и тоже смеялась — сейчас Болдин придёт — говорит — у него крышу снесёт, как услышит. Я выключил магнитофон и мы начали обсуждать — как прикольное спеть и где, чтобы люди "въехали" в фишку. Алла перепела несколько кусков, сверяя мелодию с моим голосом и я сел за сведение. Через пять минут всё было готово.

Мы слушали песню раз десять, хохотали как ненормальные (даже моя жена Таня прибежала в панике — что это с нами такое), и перебивая друг друга болтали о том, как народ будет ошарашен таким беспределом.

Появился Болдин. Не понимая о чем идёт речь, он тоже вежливо посмеялся вместе с нами и наконец сказал:

— Ну ладно, Аллочка нам ехать пора, люди ждут.

Алла повернулась ко мне:

— "Ну-ка отец, покажи ему..."

У Болдина брови поползпи вверх — почуял что-то неладное. Я поставил сонг. Вступление... мы с Аллой смотрим на него.

Вдруг — "ах белая панама-а-а!" Болдин, выпучив глаза схватился за голову и заорал:

— "да вы что, совсем здесь рехнулись? Да нас же пресса с г.... сожрёт. И так все газеты накинудись — безнравственная певица, пошлый репертуар... Аллочка, это же вы не серьёзно...? Правда?"...

Алла встала — ну, мы поехали, спасибо Юрок, я хоть отвызалась сегодня по полной программе. Забрось мне копию, посмеёмся ещё. Пошли Болдин, худсовет ты мой.

На следующий день в студии Аллы в Олимпийском мы с Рециталом, Китаевым и Рыжовым собрались пораньше, порепетировать мою песню "Кафе танцующих огней", слова которой придумали с Сашей Маркевичем. Ждали Аллу.

Подтянулся и романтичный Игорёк Николаев. (он вообще после Айсберга был настроен очень романтично). Ну мы с ним поболтали на романтические темы и я говорю — мужики, не хотите послушать новый опус, который мы вчера с Аллой заваяли? И сунул кассету в магнитофон.

Все притихли. Вступление и — "ах белая панама-а!". Все заулыбались, загалдели. А у Игоря лицо окаменело, Так он и просидел не двигаясь до конца песни. И я понял — попал. Будет хит. Когда песня закончилась Игорь улыбнулся и сказал — "Ну что сказать, Юра, Поздравляю..." и ушёл.

Потом я показал Панаму на "Мелодии", комиссия единодушно признала песню откровенной пошлятиной и предложила мне переработать мелодический и текстовый материал. Я вздохнул — никто в фишку не "въехал" кроме моих дружков и забросил кассету в стол, подальше.

Где-то через год мне Алла звонит и говорит, я, мол, была на Сан Рэмо в Италии, привезла кучу музыки, но, мол, итальянцы категорически выбрали Панаму, и публика скандировала "Па-на-ма-Бьян-ка-Па-на-ма-Бьян-ка" и требовала повторить ещё. Напевали после концерта, в общем ты, говорит, популярный итальянский композитор сегодня.

Посмеялись и забыли.

Через какое-то время Сан-Рэмо приезжает в Москву. Часов за пять перед телевизионным шоу "Сан Ремо в Москве" мне с из музыкальной редакции Останкино звонит мой старый приятель Володя Давыденко:

— "Юра — говорит — выручай старик. Алла ведёт программу и должна петь, а итальянцы как взбесились — ничего не хотят слышать, подайте им Панама Бьянка.

Я вообще не слышал никакой Панамы, тем более Бьянки. Позвонил Алле, а она отправила меня к тебе. Дай фонограмму, будь другом, международный же тв-мост".

Я говорю:

— "Володь, у меня есть фонограмма но на кассете, обсолютно не эфирного качества, Черновик, даже аранжировка для демо. В эфир давать нельзя".

Володя взмолился:

— "ну дай хоть черновик, клянусь, только порепетируем, а в эфир дадим другую песню".

Ну ладно, говорю, присылай машину.

Вечером смотрю по телевизору это самое Сан Рэмо, выходит Пугачёва и вдруг... ах белая панама-а-а. Я озверел. Звоню на телевидение, говорю — "Вов ты зачем меня позоришь на всю страну?" — А тот весь в замоте, чуть не плачет, орёт — "да что я

могу поделаться с этими проклятыми итальянцами. Мне и так тошно — главный редактор злющий, приказал мне завтра зайти к нему..." И бросил трубку. А я злой (злее гланого редактора) и расстроенный пошёл спать.

Наутро выхожу из дома — а изо всех окон, ларьков и машин — "ах белая панама..." А дня через два ко мне заявился чернявый вертлявый человечек. Представился редактором фирмы "Мелодия". Говорит:

— "мне нужна фонограма Белой Панамы. Мы, мол, оказываем Вам, Юрий Александрович большую честь, выпуская Ваш сингл". Я отвечаю:

— "У меня качественной фонограммы нет". Тогда он мне:

— "ну в таком случае мы с эфирной копии скопируем". Я ему вслед — "но это же просто демо! Я запрещаю!.." Но за ним уже захлопнулась дверь.

(Информация из присланной мне недели через три (!) справки из фирмы "Мелодия": ... сингл "Белая Панама" был продан тиражом более 7 миллионов копий.)

P.S.

Позже Алла, совершенно серьёзно глядя в камеру скажет — "... жаль, что у песни была такая короткая судьба... Какая глубокая и душевная была песня..."...

Боярский и мама

.

.

- “А сколько миллионов народа в лагерях извели?! А когда солдаты из плена возвращались? Их что, в санаторий отправляли?!.. Н-н-н?” — Мишка оставил в борщце ложку, многозначительно двигал глазами и выковыривал зубочисткой кусочек мяса, потом ещё проглотил пару ложек вкуснейшего борщца.

- “Нет Миша — поджав губы говорила моя мама — мы сами строили свою жизнь”...

- “Ха-х — вытараскивал глаза Мишка — а везде чужую жизнь строят, что-ли? Что ж они, тётъ Шур, не глушат своих-то в таких количествах? А?”

- “Да кто тебе такое рассказал?” — возмущалась мама.

- “Солженицина читали?” — наезжал Мишка.

- “Врун он, твой Солженицин!” — азартно махала мама на Мишку полотенцем — “Мы вот с Шурой всю жизнь прожили”...

- “Во-во — иронично качал головой Мишка, дожёвывая — вот так вы все и прожили, что вся страна с голой задницей ходит”.

- “Сам ты, Миша... — подыскивала слово повнушительней мама — ...дисидент!” — и в сердцах плюхала перед Мишкой сковородку с шипящей жареной картошкой с “корочкой”, и ледяными малосольными огурчиками...

.....

“Мам чаю принеси!” — кричал я из студии, нахально вклиниваясь в столь серьёзную тему. “Сейчас принесу” — откликнулась из далёкой кухни Таня.

Пик напряжённости стремительно падал...

- “За такую картошечку — хрустел корочкой Мишка — полжизни... честно, тётъ Шур”.

- “На здоровье” — улыбалась мама. Политический конфликт захлебнулся, не успев перерасти в вооружённое противостояние...

Муслим Магомаев и люкс

Муслим в холле отеля орал на нашего инспектора Петруху. Привычного “люкса” не было.

Обезумевший Петруха бегал от Муслима к стойке и обратно — всё занято.

Наконец Муслим поднялся в простой одноместный номер, хлопнув дверью на весь отель, а перепуганный Петруха начал в спешке раздавать артистам положенные по штату одноместные номера.

В этой неразберихе, наш рабочий сцены, Славик Дериглазов, совмещавший работу на гастролях со скупкой старинных икон, пробирается к окошку администратора.

Славик вынимает пачку денег, они о чём-то шепчутся и Славик кричит через весь холл своему дружку, тоже рабочему сцены: “Виталь, нам двух-комнатного хватит?” “Хватит” — отвечает ему из-за кучи Муслимовых чемоданов Витилик.

Невъехавший в ситуацию Петруха объявляет:

- “Дериглазов и остальные рабочие — трёхместный номер...”

Славик, возвращаясь к горе чемоданов, отмахнулся:

- “Не барин, и в “люксе” проживу...”

Вова Ливитин и бильярд

Горничная уже трижды стучала в мой номер.

Наконец я не выдержал. С закрытыми глазами открыл дверь и опять залез под одеяло.

— “У Вас можно убрать номер? А то я на обед ухожу и больше не приду...” — пригрозила вошедшая красавица. Я дышал глубоко и ровно. Горничная потопталась у порога и ушла...

— “Это у Вас течёт?” — хрипло спросил меня коричневый чемоданчик с никелированными уголками.

— “Бог миловал...” — неуверенно пробормотал я. Чемоданчик цинично затопал прочь...

— “Давайте я Вам хоть бельё поменяю...” — не открывая глаз я бросил в девичий сексуальный голос подушкой.

— “Какие-ж вы артисты капризные” — вздохнул девичий сексуальный голос и уронил на меня пачку простыней.

Я злился, потому что чувствовал, что уже точно не уснуть...

Окончательно меня разбудил Сашка Пищиков:

— “Юран, деньги есть? Пожрать надо бы...”

(Мы работали в Госоркестре Азербайджана п/у Муслима Магомаева. Зарплата — о которой другим артистам даже не приходило в голову мечтать... Но нам, разгильдяям, иногда и этого не хватало).

Я приоткрыл глаз, подумал, говорю:

— “Сань, мелочь осталась, но к Петрухе сегодня не пойду, точно...”.

Сашка внимательно рассматривал окно:

— “А ты и не переживай. Всё. Нет Петрухи... Они с Муслимом только что куда-то уехали... Пошли Слона будить” (Слон — наш упитанный друган, Володя Ливитин, лучший трубач-туттист в стране).

“До концерта далеко... Если уже не уснуть, если Петрухи нет и денег нет, то лучшего варианта чем разбудить Слона — не будет” — безошибочно просчитал я своё ближайшее будущее...

Растолкали Вовку: “очнись старик, пошли в горсад — потанцуем”...

Володя побряхтел — спрятаться под одеяло мы ему не позволили. Хмуро поморгал на нас длинными светлыми ресницами, скинул ноги на ковёр, усыпанный сигаретным пеплом... Ожесточённо потёр кулаками нос, фыркнул, что-то

прошипел и поплёлся в ванную.

Мы вызвали такси и отправились в бильярдную местного города.

В бильярдной все столы были свободны. Какой-то мужик у бара прихлёбывал пиво... Поприхлёбывал минут пять, потом предложил: “чё сыграем штоль?” Вова, бесцельно гонявший шары по столу, усмехнулся: “играй, я подыграю...”

Играли по мелочи, по десятке...

Первую партию Володя продул быстро. Мы скинулись, отдали деньги...

Четвёртую и пятую тоже. Мы скинулись, отдали последние деньги...

Вова положил кий: “чё-т играть не охота... давай я лучше вот из такой позиции в две лузы положу, с трёх ударов... а то скушно...” — поставил два шара вплотную к бортам, в центрах противоположных дальних сторон прямоугольника бильярдного стола...

Мужик прищурился: “тысяча рублей”

Володя улыбнулся: “три тысячи”...

Мужик помедлил, вынул пачку денег, отсчитал три тысячи и положил их на бортик стола: “давай! Не забьёшь, ответишь”. Весь персонал бильярдной подтянулся к столу... Прикинув углы отражения зажатым в руке несвежим полотенцем, бармен вздохнул: “Не бывает” — с сожалением посмотрел на Слона и вернулся за стойку.

Два удара не получились.

Вова распрямился, холодно взглянул на ухмыляющегося мужика.

Внимательно осмотрел кий, медленно пропустив его между пальцами по всей длине. Потом пригнулся, замер на пару секунд и пробил... От резкого удара “свой” столкнулся с противоположным шаром и отлетел, рикошета от бортов, в лузу под Вовиной рукой, а другой шар... бешено крутясь неохотно полз по дальнему борту стола к лузе... Все замерли... Шар, покрутившись в проёме лузы, медленно упал в сетку...

Вовка молча забрал деньги и мы направились к выходу... Нас догнал хриплый голос мужика: “за такое... никаких денег не жалко...”

P.S.

Владимир Ливитин скоростижно скончался в начале 90-х, будучи одним из руководителей Российской бильярдной ассоциации.

В то время он уже давно не играл на трубе...

Папа и пилка дров

Мне стукнуло 9 лет.

А моему соседу, Валерке Желткову уже перевалило за 12. Пожилой пацан, можно сказать... Ему уже улыбались девчонки, а нам с Генкой Межориным девчонки никак не улыбались. Мы были как бы мелюзга... Иногда правда улыбались, так как мы были независимая мелюзга, и обещали перспективу (я учился в музшколе на скрипке, а это тебе не папа участковый — это круче), но в основном, нет.

Я, как всегда, после музшколы завернул в сарай к Валерке. По привычке засунул футляр со скрипкой под лежак и осмотрелся. Валерка взволнованно шагал из угла в угол, а Генка сосредоточенно мастерил очередную хлопушку, свёртывая трубочкой страничку из школьной тетрадки и засыпая туда щепотку охотничьего пороха, для пугания самых злых старушек.

Мы, когда эти старушки гоняли нас по всей улице за регулярные кражи незрелых яблок и зелёной осыпной клубники из их хилых садов, минировали такими хлопушками покосившиеся дверцы их удобств во дворе. Старушки всегда пугались, грозились уши надрать злодеям и любили нас ещё меньше...

Шла такая вялотекущая война за свободу бесправной пацанвы на территориях частной собственности, в условиях ещё недоразвитого социализма.

Валерка резко остановился, перекинул взгляд с меня на Генку и странным голосом буркнул:

— "я вчера со Светкой был" (соседка Валерки).

Мы рты раскрыли, ну и что? Мы все вместе вчера со Светкой были.

Валерка поморщился:

— ..."да нет, мы с ней вечером у неё в сарае были".

Генка спрашивает:

— "а чё вы там забыли? Штоль прятались от кого?"

Валерка занервничал:

— "у нас там... ну в общем" — он почесал затылок, задумался, силясь разглядеть что-то важное сквозь стенку трухлявого сарая... — "в общем... разделись от духоты... и вот... короче, дрова пилили"..."

Нам с Генкой пилить дрова ещё не приходилось, видимо по причине нашей экстримальной занятости. Но мы были безусловно и точно осведомлены, что означает это супер-модное,

запрещённое словечко — секс, и каким образом пилят дрова, поэтому уставились на Валерку и приготовились слушать. А Валерка начал опять ходить...

Я не выдержал:

— "ну... и что дальше то?"

— "Я даже не догадывался" — заторопился Валерка — "что это так... (он пальцем проделал в воздухе витиеватую фигуру), а может это любовь? А?"...

Он растерянно посмотрел на нас...

Мы дружно и тут-же согласились, что это наверно и есть любовь.

Валерка повеселел и говорит:

— "я со Светкой поговорю, она и вам девчонок приведёт..."

Я даже не открыл новую книжку Дюма, изменив обычной привычке читать перед сном, всю ночь ворочался — мысли о любви, кузнечиками прыгали в голове, постоянно натываясь на мои убеждения, далёкие от этого дела. Потому как я воспринимал девчонок только как объект, для колочения моим картонным футляром со скрипкой, в случае нанесения мне смертельной обиды, или там... погонять по огородам. И нависшее надо мной моё сексуальное будущее, скорее пугало, чем радовало.

Но на следующий вечер, наступив на горло своей мужской гордости, я опять появился в сарае у Валерки и застал там компанию из трёх девчонок, Генку и Валерку, с удивлением обнаружив среди предполагаемых объектов любви мою двоюродную сестру-одногодку Инку, соседку, с которой мы цапались чуть не каждый день... Девчонки хитро хихикали, строили глазки и даже Инка выглядела не такой стервой, какой была по жизни.

Потом всё присходило, как в страшном сне — все куда-то исчезли, оставив нас с Инкой наедине. Она улыбаясь положила мне руки на плечи, я ткнулся носом в её щёку, раздраемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, меня уже будоражил этот самый...как его... "секс", а с другой, мне нетерпелось дать Инке пинка под зад, за то, что она мне строила рожи вчера, в присутствии всей нашей уличной компании...

В конце концов я откашлялся и солидным голосом молвил: — "ну что, начнём дрова пилить..." и мужественно попытался её обнять, но Инка, хихикая, вывернулась и убежала...

Эту ночь я уже думал об Инке — ну и что, что стерва, размышлял я, зато девчонка симпатичная... И фантастические картинки улыбающейся Инки кружились в моей голове, пока я не уснул, сломленный навалившейся тоской по девичей любви...

Проснулся весь в мыслях об Инке. Сели завтракать, и я с

радостью увидел в окно, как Инка заходит к нам. Она перешагнула порог и хихикая выпалила:

— "дядь Шур, а Юрка мне вчера вечером предлагал дрова пилить!"

Я окаменел... Папа, дожёвывая, повернул к ней голову:

— "эт как это?"

Она засунула указательный палец между двумя пальцами другой руки и начала им двигать... Потом бросила на меня кокетливый взгляд и пулей вылетела из дома...

Папа дожевывал, задумчиво обозревая захлопнувшуюся дверь, потом перевёл взгляд на меня и напряжённым голосом пообещал:

— "я те щас покажу, пилку дров..."

Следующая сцена — без комментариев.

Таким жестоким предательством ознаменовалось моё первое любовное приключение.

В этот же вечер, переполненный отчаянной решимостью, я в сарае у Валерки изменил Инке с Олькой, назло и Инке и папе... Голубоглазая Ольга, тонкая, с малюсенькой грудью и длиннющими ногами мне и взаправду уже давно нравилась — шустрая такая и не ябедничала, как все девчонки... Мы целовались в сумерках, и Ольга тихо ойкала, не отрываясь от меня вибрирующими отчаянно распахнутыми глазами, не сопротивлялась и не хихикала, а наоборот... мы ничего не стеснялись, нам хотелось ещё... хоть чуть-чуть...

Мы с Олькой, ошалевшие от незнамо откуда обрушившегося волнительного желанья, тайком встречались дня три-четыре в бурьяне на огородах, а через неделю...

Через неделю Олькины родители неожиданно переехали в другой город, и увезли её с собой...

Несколько дней я ходил сам не свой, но потом начались зачёты в музшколе и мне уже было не до сердечных мук.

Шалый

Внедрение меня в фазу интеллектуального развития, под названием “Первый раз в первый класс”, произошло трагически и последствия были необратимы вплоть до окончания семи классов. После чего я благополучно укрылся в музучилище. А всё моё, жаждуемое человечеством высокоучёное предначертание, наверно и сбылось где-то в небесных сферах... но уже без меня.

Так сказать, удалось избежать неизбежного.

Шалый

Итак, 1-е сентября 1954-го года.

Мы с мамой, как положено, пришли в школу с гладиолузами с нашей грядки в огороде, чтобы поздравить учителей (хотя никто не имел ни малейшего представления, за что их уже можно было бы поздравлять? Так, авансом, своего рода взятка...), и нас повели в класс. Такое количество непонятных ребят и девочек произвели на меня удручающее впечатление — дурдом какой-то.

Первая наша учительница Мария Ивановна, улыбочиво рассадил нас по партам и вышла на минуту... коим необдуманным поступком решив мою дальнейшую школьную судьбу.

В тот-же момент меня сзади шарахнули портфелем по голове. Я обернулся, почёсывая точку соприкосновения вышеуказанного предмета с моей макушкой и, наткнулся на невинный взгляд толстенького пацана и ехидное хихиканье окружающих подозрительных личностей. Я имел опыт обучения в музшколе и в невинные взгляды верил уже с трудом...

Пока я выбирался из-за тесной парты, пацан поскакал в конец класса, фыркая на меня и веселя всех остальных. Я возмутился, и, видя что он по другому проходу между партами бежит к выходу, рванул наперерез, наклонив голову и с твёрдым намерением наказать наглого толстяка...

Я не заметил, как открылась классная дверь, и появилась наша первая учительница на пороге, с букварями и чернильницей в руках...

Я не заметил, как мой обидчик проскользнул между учительницей и косяком двери...

Я, набрав скорость, тупо врубился головой в живот преподавателя.

Марья Ивановна шумно упала на спину, задрав ноги и показав всем юным учащимся, какого цвета у неё трусы (розовые,

в голубую полоску, по моему). Заодно забрызгав чернилами стены коридора, саму Марь Иванну и мою белоснежную рубашку...

Моё чувство сопереживания и острого сочувствия к лежащей вверх ногами на полу коридора обалдевшей Марье Ивановне, захлестнуло меня целиком и я бросился её поднимать, стараясь по ходу другой рукой подбирать рассыпанные буквари, покрытые отвратительными фиолетовыми пятнами...

Марь Иванна оттолкнула меня, согнула ноги в коленках, продемонстрировав замеревшему в восторге классу полный изыск полосатых трусов, перевернулась на четвереньки, поднялась и повернулась ко мне... Как говорят — сказать, что она была расстроена, значит просто промолчать... Я смотрел в её приоткрытый рот в розовой помаде и тупо ожидал приговора.

“Шалый!” — рявкнула Марь Иванна и начала подбирать буквари, повернувшись ко мне местом, так недавно бережно обтянутым розовым в голубую полосочку материалом.

Я повернулся к классу, буквально проткнутый сфокусированным взглядом присутствующих, и понял, что наконец обрёл своё истинное название.

После этого события, моё официальное имя — Юра, произносили только очень воспитанные педагоги...

P.S.

В начале 80-х, будучи в Сочи на гастролях, я спустился позавтракать в ресторан отеля “Жемчужина”. В полупустом зале за столиком напротив, загорелая пара — яркая блондинка, поблёскивая дорогим кольцом, и эффектный мускулистый парень в “Ролексе”, оживлённо о чём-то беседовали.

Парень поймал мой взгляд, бесцеремонно устремлённый на девушку, и уставился на меня. Я занялся десертом, смущённый своим невежливым вмешательством.

Через минуту я опять посмотрел в их сторону, ощущая на себе его пристальный взгляд. Вдруг его лицо расплылось в радостной улыбке... Он весело откинулся на спинку кресла: “Шалый!”...

Оружие

Я с детства любил оружие.

Но не как орудие убийства (оно никогда у меня в голове не ассоциировалось с убийством), а как простоту и красоту технического устройства. Я пацаном мастерил автоматические пистолеты, под присмотром моего старшего на 3 года друга Валерки Желткова, на все руки мастера, и вообще это было моим первым познанием заманчивых мужицких изобретательских сфер.

Мы постоянно лазили по свалкам, отыскивая сломанные малокалиберные спортивные винтовки, отпиливали нарезные стволы. Потом уговаривали взрослых работяг с нашей улицы отрезать стволы по размеру, нарезать внешнюю резьбу, выточить и высверлить револьверные барабаны, отпрессовать обоймы...

Сам механизм вырезали сапожным ножом из картона, закрепляли булавками на доске — доводили модель до “совершенства”. Потом, тайком орудя ножовкой и напильниками все эти модели превращали в действующий образец в нержавеющей стали, полировали всё на войлочном кругу, пропитанным пастой “Гойа”, выпиливали пластмассовые рифлёные щёчки для рукояток ...

В общем это было в некоторой степени конструкторское бюро и опытное производство, в отдельно взятом сарае... Когда пистолет был готов, мы всей компанией обсуждали недостатки и доводили его до идеально работающего образца. Вбивали в сарайную дверь обойные гвозди с широкими фигурными шляпками и утапливали их малопульками вовнутрь, с пяти шагов...

Интересно, что никому не приходило в голову, что мы нарушаем какие-то законы... Так... Пространство для собственных идей и изобретений. За всё время, что я помню, не было убито ни одно живое существо. Был железный закон — не направлять оружие в сторону кого-либо. И его никто не нарушал.

Я все мои пистолеты растерял в процессе бесконечных переездов.

Последний полуавтоматический малокалиберный револьвер, подаренный мне Валеркой, у меня умыкнули, когда ограбили мою московскую квартиру в 2003-м году. Я, конечно, скромно проглотил досаду...

Эта оружейно-технологическая зараза, по моему, сидит во мне до сих пор...

Помню, мне было лет 14. Отец за обедом жалуется маме, мол

какие-то жуки-древоточцы завелись в сарае — вся дверь в дырках... А я усталый в тарелку и с тоской жду разоблачения — ведь это я вчера испытывал свой новый автоматический пистолет. Папа бы меня не правильно понял... А в музучилище у нас был такой строгий дядька, Василий Петрович — бывший разведчик, который обучал нас, пацанов, профессиональной стрельбе. Я был чемпионом и через полгода получил 1-й юношеский и 2-й взрослый разряд по стрельбе из винтовки и пистолета. Счастью не было предела...

С тех пор у меня в доме всегда есть оружие (зарегистрированное конечно). И сейчас в моей коллекции:

— армейский помповый шот-ган "Winchester" с лазерным прицелом,

— снайперская винтовка "Remington" с ночной оптикой,

— русский карабин "SKS",

— длинный модный 10-ти зарядный шот-ган "Beretta",

— снайперская винтовка "Savash" с оптикой

— Револьверы "Smith and Wesson" 38'

— 44' "Magnum",

— Пистолеты "Glock" 40',

— "Walther" P22' с лазерным прицелом

— коллекционная "Beretta" 40'

— и т. п.

"Реньж"

Мы с моими детьми, Алексом и Дэймоном часто ездим в тир ("реньж"), на соседних горах под Лос-Анджелесом. Загружаем в просторный "Hummer" наш арсенал и упражняемся по 5–6 часов на свежем воздухе. Укладываем в неподвижные и подвижные мишени по 500–600 зарядов... Кайф, когда руки не дрожат... Очищает от дряни...

Кого только на реньже не встретишь! От юных девчонок до глубоких стариков и старух в ковбойских шляпах и на инвалидных колясках, с раритетными "Кольтами" в узловатых руках...

Как-то раз, рядом с нами расположились 2 чёрных паренька. Один из них высыпал на барьер из коробки патроны и начал заряжать длинноствольный Smith & Wesson. Болтают, смеются...

Вдруг тот, что с револьвером, защёлкнув заряженный барабан, поворачивается к дружку и что-то ему рассказывает, давась от смеха и тыча по инерции стволом, как пальцем, ему в грудь... Тот так и рухнул на землю лицом вниз... Стрелок, находящийся за ним повернулся на шум, увидел растерянное

лицо соседа с остатками смеха в глазах и направленный ствол, и тоже распластался на земле...

Бедный пацан, застыв как столб, даже не успел что-либо сообразить, как уже весь ряд, человек 30 стрелков, как домино посыпались, прикрывая руками головы...

Парень обалдел... крутится по сторонам с револьвером в руке, и куда он не повернётся, народ, бросая оружие на барьер, прячется — кто куда... Подскочили охранники, отобрали у перепуганного парня револьвер и в буквальном смысле выкинули его с ренджа, напоследок сунув бедолаге в руки инструкцию по обращению с оружием. Народ ещё долго весело гомонил, крутя у виска пальцами...

Помню в тот раз с нами тренировалась наша приятельница, Энита. Она знала, что я неплохо стреляю. А у меня, как назло, что-то совсем не клеилось — то-ли “Беретту” плохо почистили, толи настрояние не то, но пули как заколдованные ложились в основном не туда, куда мне было надо... Мои пацаны веселятся: “Па, а ты попробуй через плечо, с зеркальцем...” (мне раньше нравилось так прикалываться). Патроны закончились и мы собираемся уходить.

Я, раздосадованный неудачным днём, вытряхнул из коробки последний патрон для “Магнума-44” — самого мощного револьвера в US, сунул его в пустой барабан, почти не целясь выстрелил по мишени, стряхнул гильзу, повернулся и пошёл к стойке с оружием... Слышу позади, мой Дэймон говорит с усмешкой: “Ничего себе!.. это у него всегда так ...” Я обернулся, перевёл глаза с нашей озадаченной гостьи на далёкую мишень — а в центре мишени дырка в палец, вместо “десятки”! По дороге домой моя гостья поглядывала на меня с явным уважением.

Вот так и хиты случаются — когда их не ждёшь...

Вообще я в нашей семье всегда поощрял и провоцировал моих пацанов на всякого рода мужицкие забавы — мотоциклы, бокс, стрельба из всех видов оружия, бильярд, покер, серфинг, боди-билдинг, баскетбол, американский футбол и др... Алекс, тот постоянно пропадает на стадионах, и вообще наш теннисный корт в горах — это его владения. И когда у нас в доме как-то появился, еле протиснувшись во входную дверь, гиганский Шаки О’Нил, лидер баскетбольной команды “Lakers” и приятель моего саунд-инженера, разговоров было на пару недель.

А тут Дэймон зарубился на автомобильных трековых гонках. Перекроил полностью одну из своих BMW, поставил в салоне трубы-растяжки, сидения специальные, какую-то хитрую коробку передач, гоночные диски с широченной резиной и гоняет по калифорнийским трекам, как ненормальный — тоже развлечение

полезное, на мой взгляд...

Вот никак на вертолет их не загоню...

Коля Кара (Не путать веники с физикой)

В таком разбранном состоянии я и смотрел из “Боинга 747” сонными глазами, на наплывавшую из иллюминатора Москву XXI века ...

В VIP зале меня встречал Коля (директор В. Леонтьева — ред.). Светло серый костюм и бордовый галстук на белой рубашке сидели отлично на его чуть располневшей фигуре. Радостная улыбка, прищурившая его приветливые глаза, сразу заставила меня позабыть о всех убогих делах позади...

Мы обнялись, потом уселись у бара, заказали виски и наперебой делились впечатлениями — надо ж, столько лет прошло!

Но по пути в Москву на меня почему-то опять накатило, и я, нахохлившись у дверки “Мерседеса”, мрачно наблюдал обновлённый пейзаж Ленинградского шоссе. Коля рулил, молчал и пыхтел, потом не выдержал, включил видео и стал что-то рассказывать... так слово за слово, и я начал приходить в себя...

Добрались до Колиного поместья в Королёве. Под свирепый лай собаки заехали в гараж и потащили мои шмотки в дом.

После борща, наливки и уюта, я совсем расслабился. Коля уже звонил в санаторий Газпрома, где мне предстояло существовать... Выехали утром.

Каменный забор с охраной, дом, приземистый и надёжный, как весь Газпром... Вокруг ёлки, ветки, воздух... подмосковный удивительный воздух с запахом влажной хвои и сыроежек. Потом была куча забот — Коля всех своих ребят поднял на ноги — купить и установить аппаратуру, оформить мобильник, сбегать в санаторский ларёк за едой и т. п...

А в ларьке работала девушка. Красивая. Тонкие черты лица, лукавые блестящие глаза в пушистых ресницах, и понимание, мол я-то знаю кто ты есть и зачем, хоть она не имела ни малейшего представления — кто я.

Но мне понравилось...

Накупив еды, я загрузил холодильник и приготовился обзванивать знакомых. Но сначала позвонил домой в Лос-Анджелес, потом Иену — вылетай старик... (он и вылетел через неделю. Не подозревал бедолага, что его поджидает).

Поздно вечером на пороге появился Боря, помощник Коли, увешанный пакетами, а за ним Коля с охапкой берёзовых

веников. — Юрок, приказал он, — ну-ка в баню, быстро! Я уже договорился.

Через несколько минут мы уже голые разбрелись по аппаратам рубленной, пустой разогретой бани. Коля колдовал в парилке над вениками и температурой, а Боря занимался столом. Я был назначен “Фигарой” на подхвате.

Коля в бане понимал толк и волевым решением взял на себя ритуал “омовения” начала нашей культурной акции.

Пупырчатые огурчики, соленья, лучок, душистая трава, копчёная колбаска, дымящаяся отварная картошечка в накрытой полотенцем алюминиевой кастрюльке, селёdochка, вобла, пиво и “Русский стандарт”, чёрный пахучий хлеб, берёзовый запах из парной... — всё это моментально активизировало мозговые центры, отвечающие за аппетит и вдохновение.

Короче, мы начали совещание, регулярно прерываемое неистовым самоистязанием, с помощью веника, всей внешней поверхности раскалённого тела. Добиванием жёстким ледяным душем напрочь сломленного организма, и последующим введением в его запуганное проголодавшееся внутреннее пространство натуральных продуктов и напитков.

110 градусов снаружи, потом плюс 40 градусов вовнутрь — в сумме получалась общая стабильная температура индивидуума, равная 36.6 по Цельсию.

В этом деле главное — не путать веники с физикой.

Мы распланировали предстоящую работу, Боря согласился на первых порах возить меня и помочь уладить орг-вопросы...

Словом, мы начали проект...

Наталья Георгиевна, Китаец и девушка

Раскинув на столе телефонные блокноты, я задумался — кому бы из моих сотен приятелей позвонить, что б отметить, что я здесь?

Открываю — Георгий (Юра), Юнгвальд-Хилькевич (знаменитый кинорежиссёр, с которым мы сделали “Сезон чудес”, “Выше радуги”...). Звоню — не отвечает. Смотрю его контакты — а-а, дочка... но как зовут? Не припомню, лет двадцать прошло.

Звоню. Приятный вежливый голос... Спрашиваю, как найти папу?

Оказалось, что папа на Кипре. Разговорились. Дочь журналистка, зовут Наташа. Владелица частной кино-компании. Последовало предложение об интервью и приятная беседа обещала быть продолженной...

Вечером я уже давал интервью Наталье Георгиевне Юнгвальд-Хилькевич — смуглой улыбчивой девушке, с балетными длинными ногами, крутым хвостом на затылке и неподдельным любопытством в зелёно-голубых глазах восточного типа, искрящихся карими крапинками весёлой иронии. Мы заварили кофе и начали беседу. Я уж совсем развспоминался, как

Нежданно-негаданно, ко мне заваливается мой старый приятель Юра Китаев со своей женой Людой и дочкой Настей. Барабанщик, мой партнёр по прошлой “Банановой” рок-н-рольной московской жизни. И только мы все расселись за маленьким столом в кухне, разлили виски из подаренной Колей 6-и литровой бутылки на качелях, и погрузились уже в коллективные воспоминания, как нас остановил неуверенный стук в дверь...

Открываю, на пороге та очаровательная девушка из санаторного ларька, но явно встревоженная окаянным лунным головокружением, имени дачь-газпрома, усугублённым французским коньяком.

Она сразу притянула внимание присутствующих и, после очередного тоста за здоровье очередного имярек, неожиданно объявила присутствующим, что меня (т. е. меня) “так просто не взять!” Я был несколько ошарашен таким открытием и с любопытством слушал разгоревшиеся прения по такому странному поводу.

Атмосфера накалялась. Жена Китаева и Наталья Георгиевна были страшно заинтригованны таким поворотом событий, но... девушка как-то так незаметно исчезла, а мы, глубоко увлечённые

версиями “взятия меня”, не сразу забеспокоились. Начали обыскивать весь дом, с кучей комнат и веранд.

В конце концов мы нашли её в ванной, где она мирно спала, исполнив свой долг по предупреждению непредвиденных на моё сердце покушений. Мы с Юрой нежно уложили её на веранде, накрыв кучей одеял, и тут-же решили, что Настя, дочка Китаева, в первую же студийную сессию будет записывать сонг Марайа Кери “My All”...

Праздник удался.

Мы долго прощались у порога, пока от машины не вернулся Юра: “Вас что, бушлатом разгонять?”.

Это было моё первое массовое мероприятие, посвящённое общению с Родиной.

Утром я пошёл на веранду, провести нашу ночную гостью. Она выглядела бледно и мрачно, предвкушая объяснения с мужем. Я принёс ей бутерброд и чай, шутил и веселил её, как мог. Потом пошёл делать нужные звонки. После часа работы на телефоне, я вернулся и обнаружил, что моя гостья опять исчезла... вместе с содержимым бутылки коньяка, принесённой накануне семьёй Китаевых.

В то же утро я поругался с Колей — мне был нужен хороший директор, кто бы решал все орг-вопросы, пока я пишу и записываю музыку. Директора не было.

От безнадёги позвонил Наталье Георгиевне и, соответственно безнадёжным голосом, пожаловался на недостаток интеллектуальных кадров в обновлённой России. На что мне ответили “дайте подумать”... мать”... мать” — твою-мать реверберацией крутилось у меня в голове, пока не зазвонил телефон. Голос: “а что нужно делать?” Я решительно объяснил что именно и назвал цифру вознаграждения. После нескольких секунд тишины, трубка сказала “ладно, давайте попробуем”. Так у меня появился профессиональный и очаровательный директор.

Коля был очень доволен, что ситуация разрешилась, и на радостях притащил мне поллитровую банку чёрной икры, в счёт моего гонорара. К слову сказать, икра исчезла мгновенно, что говорит об идеально сохранившемся аристократическом вкусе моих многочисленных московских друзей...

Мы работали с Натальей Георгиевной около двух с половиной лет, пока я, мотаясь из Москвы в Лос-Анджелес и обратно, писал песни для Валеры, заканчивал музыку к нескольким фильмам и безуспешно пытался развернуть проект “NewGen” в России...

Она была безукоризненно профессиональна и тщательно

оберегала мой бизнес и privacy ото всех, без исключения, включая Колю, налоговую инспекцию, кино-режиссёров, друзей, подруг, моего помощника и водителя Рому, и мою семью по другую сторону океана...

До сих пор храню о тех временах ностальгически тёплые воспоминания.

Армия — день 0-й и день 1-й

Армия. День 0-й

Майор Черняев

Вечер в фойе Драматического театра был в разгаре. Мы отыграли очередной “заход” и прислонились к стойке бара, прихлёбывая кофе с коньяком. Меня грызла мысль, что через неделю я буду на Севере мыть самолёты, и в военкомате всем наплевать, что я музыкант, и что всё моё будущее летит к чертям — “Засунь свою скрипку с саксофоном в ж..... и служи Родине, кретин” — доброжелательно посоветовал мне седой офицер из комиссии по регистрации призывников...

- “Привет Юран” — я обернулся. Передо мной стоял солдат, в котором я с трудом узнал моего старого друга по музучилищу — пианиста Сашку Тимочкина. Я с недоумением рассматриваю его гимнастёрку, ремень со звездой, сапоги и прочие военные условности. Спрашиваю:

- “Сань, а тебя-то как угораздило?” Сашка улыбнулся всей своей круглой физиономией:

- “вот, забрали. В артучилище служу, в муз-взводе... а ты-то как?”

Я приуныл опять:

- “в муз-взводе...Повезло, старик, а меня вот, на север отправляют, аэродромы подметать” Сашка выпучил глаза:

- “тебя?! Те чо, жить надоело? Ты ж у нас человек-оркестр, за что тебя так?”

Объясняю:

- “повестку прислали, через неделю погрузиться в паровоз и...”

Сашка:

- “да кончай, мы щас всё устроим”

Я с сожалением глянул на него и молча полез опять на сцену, веселить народ рок-н-ролами напоследок.

В конце вечера я со сцены узрел Сашку в углу у стены. Он стоял и шептался с прямым худощавым человеком с гитлеровской чёлкой, в форме майора артиллерийских войск. Судя по взглядам, разговор шёл обо мне. Сашка помахал мне рукой и я, положив саксофон на пол, спустился к ним, оставив ребят доигрывать “Summer time” без меня.

- “Та-ак” — сказал майор высоким тенором, покачиваясь с носков на каблуки сияющих сапог — “это и есть твой ссыльный

гений?”

Сашка заулыбался:

“товарищ майор, у нас же конкурсы оркестров начинаются, а здесь Юрана на Север призвали, может наберём его к нам?”

Майор посмотрел вбок на танцующую публику, потом окинул меня взглядом с головы до ног, протянул руку:

- “Начальник политотдела артучилища, майор Черняев... Толя... Анатолий Константинович... Хотим вот с Сашей сводный джаз округа создать у нас...” — раскинул руки — “большой оркестр, так сказать... потянешь?... а с военкомом я договорюсь...”

На следующий день мне принесли повестку из военкомата — явиться для прохождения срочной воинской службы в “Тамбовское Высшее артиллерийское училище” 15 августа 1966 года, в 11:00.

Армия. День 1-й

Утро

Мама собирала меня в армию.

Бутерброды, кефир, несколько комплектов маек с трусами, тёплые носки, шарф... Папа ходил по комнате: “... это дело почётное, Юрий, научишься многому, возмужаешь...”. Я слушал в полуха, озабоченный предстоящим.

Пришли провожать соседи, родственники. Дядя Витя Казанский, сосед напротив, притащил бутылку водки, разлили всем по рюмке. Я, будучи непьющим, проглотил поставкана ароматного яблочного сока маминого изготовления, попрощались. Мама сунула мне в карман свёрнутые трубочкой деньги “на первый месяц хватит...” и я зашагал к остановке троллейбуса. Вслед махали руками. Мама прослезилась и папа обнял её за плечи — мол, всё нормально, все служат...

Через несколько остановок кондуктор объявляет “остановка — Артучилище”, и я оказался перед входом на КПП (Контрольно Пропускной Пункт). Здоровенный курсант с автоматом спрашивает: “Фамилия, пропуск..”. Отвечаю, “Юра Чернавский, к майору Черняеву”. Курсант куда-то позвонил, обернулся ко мне, ухмыльнулся: “не Юра, а Рядовой!.. Салага...Иди за мной”.

Вдоль высокого кирпичного забора, в длинном трёхэтажном здании располагались казармы для музвзвода и спортивной роты, где служили футболисты, боксёры и т. п. Заходим в музввод... Десяток прибранных коек, на одной из них кто-то спит (после боевой вахты, с уважением подумал я), а за столом несколько сверхсрочников с треском режутся в “домино”. Щуплый мужичок

с погонами старшины заметил меня и, не обращая внимания на курсанта, заорал: “Дневальный, ты что уснул? Почему пускаешь кого ни попадя!” Курсант подтолкнул меня на середину комнаты: “Начальник Политотдела прислал, на него и ори”, повернулся и ушёл.

Спящий дылда заворочался, сбросил ноги с кровати, провёл ладонью по влохмаченной чёлке и взъелся на старшину:

- “Ты что, совсем оборзел? Чё разорался-то? И так уже мозги плавают от вашего паршивого домино... совсем поспать не дают...”

Старшина резко поласковел:

- “Вить, так вон привели кого-то, никто ничего не сказал...”

Дылда повернул ко мне голову, и вдруг расплылся в дружеской улыбке:

- “Во-о-го, Чернавский! Ты уже здесь? Проходи, садись куда хочешь. А на этих — кивнул на озадаченных сверхсрочников — не обращай внимания. Бездёжная пьянь...”

Я испуганно посмотрел на старших товарищей “ничего себе думаю, тексты...”. Но те с любопытством меня рассматривали и на дылдино хамство никак не прореагировали.

Пока я усаживался дылда быстро оделся и предо мной предстал рядовой Советской Армии с эмблемками музввода на пустых чёрных погонах артиллерии. И только сейчас я его узнал...

Где-то полгода назад, мы играли на вечере в музучилище. Тогда Блоха (наш трубач) заболел и прислал вместо себя высокого, модно одетого красивого парня с тромбоном. Парень коротко представился — “Пирог”, и был несколько смущён участием в нашем известном в городе джаз-квинтете. Играл он неплохо и вечер прошёл без приключений. И вот такая встреча...

Армия. День

- “Джазовый резерв прибыл, Ха-х...” прозвучало смешливым тенором — все повернулись ко входу, вскочили. В дверях стоял майор Черняев и Сашка Тимочкин. “Я же тебя встречал, как ты проскочил?”- протянул руку Сашка. Майор засмеялся: “Значит в самоволках попадаться не будет — быстро бегаешь. Старшина, смотри мне тут, чтоб всё в лучшем виде — это дирижёр нашего сводного джаз-бэнда” — и ушёл.

Старшина вслед выпятил грудь — “Есть, трещ майор!”

Повернулся ко мне и грозно так: “рядовой Чернавский, быстро в коптёрку переодеться!”

- “Спасибо — говорю — а где моя кровать?”

Старшина вытрапил глаза:

- “Не “спасибо”, а “слушаюсь, трещ старшина!”. Не “кровать” а “койка”!”

Пирог махнул на старшину пилоткой:

- “Да брось ты командовать, иди вон своего “козла” добивать... Юра, ложись на эту койку, рядом с моей, а сейчас пошли в копёрку... Обмывать “солдата” будем...”

Сверхсрочники весело загалдели: “Во-о... Эт дело!”

Сашка и Пирог ругались с копёрщиком — “Ты давай вынимай нормальную “шерсть”, а не эти тряпки. И эту “кирзу” засунь себе в, и неси хромовые сапоги”... Все шутили надо мной пока я пытался навёрнуть портянки, примеривал форму. Притащили новую фуражку, и я, посмотрев на себя в зеркало, слегка обалдел — на меня смотрел с фасоном одетый очкастый солдат в фуражке набекрень — зрелище не для слабонервных. “Все бабы твои” — довольно констатировал Пирог и бросил на стол 5 рублей, Сашка тоже...(Зарплата в армии была 3.80 в месяц...)

Спрашиваю — сколько надо? “Сколько не жалко” смеётся Сашка. Я кладу на стол мамину трубочку. Посчитали. Пирог закатил глаза, складывая цифры в уме: “ящика на полтора водки хватит.” В копёрку ввалились сверхсрочники:

- “Ну-у-у... чи-истый солдат”. Старшина довольно меня осмотрел, хлопнул по спине и послал двух мужиков за водкой.

Мне запомнилось только, что старшина налил мне первому трёхсотграммовую алюминиевую кружку всклянь, и сказал: “пей до дна, джазист, это твоя главная боевая присяга...” Я до этого ещё водки не пил и, зажмурившись, шарахнул кружку до конца. Дыханье перехватило и во рту у меня оказался солёный огурец, заботливо всунутый кем-то из окружающих. Когда я очухался, праздник уже начался... Потом ещё... Потом...

Армия. Вечер

А потом... вечером, Пирог с Сашкой притащили моё безыханное тело в санчасть, где мне поставили ультимативный диагноз — острейшее отравление алкоголем.

Наутро меня навестил мой музвзвод, забивший доверху лазаретную тумбочку свежим кефиром. Меня дико тошнило, но я шутил и смеялся со всеми, и мои отравленные внутренности сотрясались от дружеских хлопаний по плечам...

Через 2 дня я вернулся в строй возмужавшим и опытным воином. Но больше одного глотка сразу, выпить уже не мог...

Никогда...

Армия, один день войны

Война, утро

В пятницу после завтрака, в клуб Артучилища заглянул курсант Сашка Лерман — наш саксофонист, в полевой форме. Я маялся у рояля, заканчивая аранжировку композиции “Бади Рича” для сводного джаз-оркестра Тамбовского Военного Округа. Сашка пошатался по студии, постоял около меня и говорит:

— “Не тупись... Поехали с нами на войну, развлечёмся”.

Спрашиваю:

- “а на долго? Я уж как дня три дома небыл... С кем войнато?”.

- “Да с Высшим Пехотным из Полынков, уже как неделю. Повоюем денёк и вернёмся.

— “Ладно, поехали” — поколебавшись, легкомысленно согласился я...

Съехали с шоссе. Минут десять крутились по лесной дороге. У третьего поста мы вылезли из машины. Дальше пешком. Меня остановил часовой:

- “А это кто? В списках есть?”.

- “Слушай, Колян, — с сожалением посмотрел на него Лерман — отцепись, те чё, на танцы ходить надоело?”

Часовой наконец меня узнал, ухмыльнулся:

- “Чернавский, а где-ж твоя пижонская форма?”

Саня моргнул глазом:

- “эт для маскировки... там пожрать что-нибудь осталось?”

Война, день

Мы, накормленные до отвала в офицерской полевой столовой, все в грязи, уже полдня елозили по окопу арт-полигона и оголтело мочили боевыми патронами по всевозможным мишеням из автоматов “АК-М”, сыпя казёнными гильзами вокруг. Три больших ящика патронов калибра 7.62 уже подходили к концу.

К нам прыгнул старлей Сашка Бугаев, командир разведчиков. Говорит: “вы чё тут дурью балуетесь, поехали на танках порулим..”. Мы завелись, побросали автоматы и двинулись за Сашкой.

Танки Т-62 стояли в лесу кое-как — только вернулись с учений.

Учебный ночной бой с танковым дивизионом Пехотного

училища танкисты нашей группы проиграли. Часа три их топтали родные командиры, грозясь перевести в хозчасть на снегоуборочные машины, и они наконец поплелись спать, с твёрдым намерением завтра разбить “попынковскую шпану” из Пехотки в пух и прах.

Около танков ползали солдаты, которые скребли их и мазали какой-то гадостью...

Сашка подошёл к старшине:

- “Слушай, Семёныч, я с начальством договорился, дай пару танков с “ПТУРС”-ами (Противотанковый Управляемый Ракетный Снаряд — *ред.*), гости у нас из музвзвода, пострелять хотим пока светло...”

Старшина упёрся — “Без меня не пушу!”.

Сашка: — “Да кто-ж тебя игнорирует! Давай вези — мы здесь уже за самогоном послали в деревню...” — и машет нам, мол лезьте в танки, пока старшина не передумал. Обернулся к курсанту-механику Денису, и строго так:

- “Товарищ курсант. В разведку пойдёшь на хутор. Быстро — одна нога там, другая здесь”. Сунул ему 5 рублей и шепнул — “купи бутыль самогона у Машки, да не забудь огурчиков нарвать в огороде”. Тот мгновенно исчез в кустах в полном вооружении... пошёл в разведку ...

Мы наскоро нахлобучили шлемы с рациями и полезли в танки.

— “Эй пацанва!” — забеспокоился старшина — “осторожней там с сапогами... Танк не сломайте!”.

Не успел я расположиться, как люки захлопнулись, оставив нас в темноте, разбавляемой только тусклым светом приборов и перископов... И тут же, взревев дизелем, 40 тонн металла рванули с места как “Феррари”... Через минуту у меня на теле живого места не осталось...

Танк резко остановился, трахнув мне между глаз по инерции какой-то кривой железякой:

- “Ты что, дрова везёшь?! Придурок” — возмутился было я, но тут башня поехала в сторону и мне чуть шею ни свернуло... Вдруг в наушниках кто-то оглушительно матюкнулся и громоподобным голосом апостола Петра велел:

- “На кресло сядь, разлётся тут...”, пнув меня ботинком.

- “Ты что орёшь, рацию сделай потише и свет включи” — потребовал я.

- “Сам сделай потише” — огрызнулся апостол Пётр и включил свет.

Апостолом Петром оказался щуплый пацан со смеющимися голубыми глазами. “Эт ты этой костедробилкой командуешь?” —

поинтересовался я.

“Здесь ещё ништяк” — рассмеялся апостол — “Здесь поле, трава... Я б тебя по грунту прокатил...”.

— “Не надо!” — наотрез отказался я, нащупал колёсико, убавил громкость и полез на кресло, больно ударившись о прицел...

Наконец все устроились...

Рядом остановился второй танк и сходу шарахнул из пушки так, что в башне загудело. Метрах в семистах в воздух полетели ошмётки мишени:

- “Вчера бы так — буркнул пацан — а то сдуру-то... Слышь, артист, ты шлем застегни, а то будешь потом музыку слушать, как Бетховен, через клюшку”.

- “Битхо-овин — удивился я подтягивая шлем — Слова-то какие знаешь, иностранные”.

- “Ага... — башня поворачивалась, лоя длиннющим стволом полуразбитую фанерную деревушку — эт те не трубой дудеть... Значит так, слушай сюда...”...

Мы постреляли из пушки, потом из ПТУРСов.

Интересно. Это как в компьютерной игре — джостик и прицел. И ты джостиком ведёшь ракету, огибая препятствия. Можешь поразить цель даже сбоку или сверху.

Солнце уже вклеилось прямо в горизонт, слепит глаза. Настрелялись до одурения и звона в голове.

В наушниках щёлкнуло: “Всё. Хорош воевать — мы победили, давай домой — раздался голос старшины из соседнего танка... Разбрасывая дугой куски земли в струях чёрного дыма, приплюснутые стальные глыбы синхронно развернулись на месте и помчались на базу:

- “Прямо балет какой-то — восхитился я.

- “Лебединое озеро...” — ржали в наушниках мужики...

Вывалившись из танков с реальным ощущением, что вроде не мы на них ездили, а они на нас, мы с Сашкой добрались до лесного озера. На крохотном травяном пляже никого не было. Грязным песком отёрли замасленные руки, поныряли голышом в чёрной воде, сверкающей в сумерках последними багровыми бликами заходящего солнца. Попрыгали на одной ноге, вытряхивая из ушей воду, натянули на мокрые тела форму и по вихляющей тропинке потопали в наш блиндаж.

Вертолёт стоял на опушке рядом с замаскированной в лесу батареей.

Охраны почему-то не было. “Глянь, вот те и “война”... совсем обленились” — проворчал Лерман и полез в кабину. Я за ним.

Сашка пощёлкал тумблерами:

- “Полетели по бабам, старик”.

- “Ты чё, сдурел — говорю — мы-ж ещё не ужинали...”

Аллюминивая шайка с мясной гречневой кашей, буханка хлеба, кастрюльки с соусом и компотом стояли посреди стола, накрытые полотенцем. К ужину никто даже не притронулся. Все молча валялись по лежакам, не снимая сапог, и ждали нашего “разведчика” Дениса с самогоном и огурчиками.

Денис задерживался...

Война, ночь

А Денис до Машки не дошёл. Он завернул к своей подружке на соседний хутор и увлёкся... пока ни очнулся и ни вспомнил, что он в разведке и зачем его послали. Наскоро нацедив из запасов подруги бутыль самогона и, набив карманы кривыми огурцами пополам с ботвой, с автоматом через плечо заторопился через лес в лагерь...

Темно. Сумерки словно выключили. Но луна уже светила, как прожектор, и Денис даже почти не заблудился. Выбрался на изуродованную гусеницами грунтовую дорогу...

Постепенно привычный рокот моторов отовсюду превращается в пучки фар, которые, петляя по лесной дороге, начинают догонять Дениса. Скрывшись за кустарником, он видит на кузове переднего грузовика, забитого курсантами, номера танкового дивизиона... “вражеского” Пехотного училища... Сзади по ухабам медленно юлит “Волга”, слепя фарами. За ней ещё грузовик.

Ночная атака!!! — молнией проносится в голове у разведчика-Дениса, уже проклинаящего себя и свою подружку — Надо предупредить наших! Не успею!! Что делать?!!!

Решение пришло мгновенно.

Лихорадочно вытаскивая из подсумка “рожки” для АК-М с холостыми патронами, Денис поднимается из кустов, передёргивает затвор и с отчаянным криком “А-а-а! Козлы-ы!!!” начинает мочить в упор из автомата по “вражеской” командирской “Волге”.

С грузовиков, как горох посыпались “враги” и открыли бешенный ответный огонь.

Денис бросает в “Волгу” учебную гранату, которая с грохотом рвёт лесную тьму.

Толпа “врагов” выволакивает из “Волги” офицеров и накрывает их своими телами... Десятка два автоматов обалдело

долбят в темноту — кто-куда, рвутся гранаты... Бой разгорается!..

....

На Дениса наваливается куча “врагов” и, заломив руки и толкая его прикладами в спину, ведут под свет фар...

— “Прекратить огонь!!!” — надывается кто-то. Стрельба затихает...

Из под шевелящейся кучи тел на обочине, выбирается чумазый человек, с растрёпанными волосами и оборванными пуговицами на... генеральском мундире... Генерал в гробовой тишине вплотную подошёл к Денису и, чуть не укусив его за нос, оглушительно рявкнул: “Идиот!!! Арестовать!!!”

Час спустя, знакомый капитан из политотдела, бывший в сопровождении, расписывал нам в деталях смертный бой нашего артучилищного героя-разведчика Дениса со своим же генералом, командиром артучилища...

Оказывается, в то время пока мы гоняли на танках а Денис со своей любимой сражался на хуторском сеновале, “война” закончилась. И наш генерал вместе с генералом Пехотного училища, мирно ехали в штаб на разборку учений...

Все смеялись до судорог, катаясь по блиндажу...

А бутыль самогона так и не нашли, хоть и обшарили в зоне ночного боя все кусты... Курсанты спёрли наверно...

Жаль...

Цена зарплаты

Я зарабатывал раз в пять больше, чем Генеральный секретарь ЦК КПСС, работая с Эдуардом Михайловичем Смольным в ансамбле “Молодость”.

Но в мои 19 лет (как собственно и поныне) я не умел жить на суточные, и все мы постоянно занимали у Смольного какие-то мелкие деньги — до зарплаты. Бывало, что и забывали сколько, кто и кому должен...

Наш пианист Лёня Густяков помнил всё. И к получению зарплаты всегда относился серьёзно и безапелляционно. Я всегда ходил к Эдику за зарплатой вместе с Лёней, не доверяя своим способностям в оценке финансовых раскладов.

Мы располагались у Эдика в кабинете и Лёнька начинал с ним ругаться, готовый умереть за каждую копейку.

Смольный багровел и орал на Лёньку, тыча в ведомость.

Лёнька вскакивал с кресла и орал на Эдика, тыча в ведомость.

Каждый раз я знал о предстоящем кошмаре и слушал это всё с большим любопытством (как и толпа остальных артистов за дверью)... Наконец взаиморасчёты завершались и повисала гнетущая тишина. Лёнька, разложив по карманам свою и мою зарплату, смущенно тыкал пальцем в переносицу, поправляя очки.

Пыхтел и вздыхал, пока Эдик глотал “Валидол”...

Потом, резко переходя на ВЫ, говорил: “Эдуард Михайлович, мы Вас приглашаем отужинать с нами сейчас, пожалуйста”... Эдик закатывал глаза, хватаясь за сердце, и говорил слабым голосом: “Да что уж там, заказывайте ко мне в номер”...

Поздно вечером к дверям номера Смольного, где праздновал зарплату весь ансамбль, в панике сбежался персонал отеля:

- “Нет я плачу!” — орал на весь этаж побагровевший Эдик, размахивая кошельком.

- “Нет уж прости-ите... Что это ты раскомандовался! Плачу я!!!” — орал Лёнька, пытаясь всунуть деньги обалдевшему официанту...

Банановые острова (БО)

Альбом “Банановые острова” 1983.

Автор:

Один из культовых альбомов России 80х — “Банановые Острова” был записан в СССР (Москва) 20 Февраля 1983 г. Был готов к тиражированию в середине марта.

Музыка и текстовый материал, записанный на альбоме, прямо противоречил существующим в то время официальным тенденциям, и как следствие подвергся строжайшей критике со стороны прессы и руководящих органов страны. Альбом находился под запретом вплоть до развала СССР.

Не смотря на официальный запрет, альбом был скопирован Самиздатом и миллионными тиражами разошёлся по всей стране, принеся андеграундовым дистрибьюторам солидную прибыль. Такие сонги, как “Здравствуй мальчик бананан” и “Робот” часто появлялись на страницах хит-парадов центральных газет (Мальчик бананан даже стал центральным персонажем прогремевшего фильма 80х — “Асса”), но альбом в целом широко не был дистрибутирован.

Тем не менее неординарная музыкальная структура песен и ставящие в тупик тексты, изобилующие абстрактными образами и иронией, произвели сильное влияние на мышление рок-музыкантов 1980х, внося серьёзный вклад в развитие русской рок-музыки, но прямых последователей у авторов БО так и не было. Музыка альбома представляла из себя сплав нескольких стилей,

лидирующих в то время в Мейнстриме — Police, Genesis, Yello и Kraftwerk, и была очень профессионально исполнена и записана.

Ю.Ч. о Китаеве и Рыжове.

С Ю. Китаевым я познакомился в 1975 г. в ресторане гостиницы “Москва” где в перерывах между гастролями изредка поигрывал джаз с ансамблем своего друга ещё по тамбовскому ансамблю “Молодость” — Леонида Костюкова. Китаев, который неизвестно какими путями туда попал, сел за барабаны и неплохо сыграл. Я пригласил его к себе домой. Мы просидели до утра, говорили о музыке.

На прощанье я протянул ему кассету с записью Chick Corea и сказал — “попробуй разучить Return to forever, только внимательно — навороченная композиция. Очень полезно”.

Каково же было моё удивление, когда Китаев через пару дней пришел ко мне и на стульях в “ноль” исполнил партию барабанов. Такое и опытные барабанщики не могли запомнить. После этого мы подружились и часто играли вместе.

Через год меня пригласили музыкальным руководителем в ансамбль “Фантазия” Московской филармонии, под руководством Виктора Аكوпова, с которым я работал ещё в Госоркестре М. Магомаева. Я конечно сразу пригласил Китаева, который в свою очередь привёл своего земляка из г. Электросталь, гитариста Сергея Рыжова.

Через 2–3 месяца Сергей на время заменил ушедшего бас-гитариста и настолько увлёкся, что уже не мыслил себя без баса. Мы втроем скинулись, купили ему бас-гитару “Music Man”, втянулись в работу и уже не расставались.

Автор:

Так начались путешествия этой тройки по группам и студиям звукозаписи.

Чернавский (синтезаторы, саксофон, флейта, скрипка), Китаев (барабаны) и Рыжов (бас гитара) занимались каждый день часов по 5–6. Они переиграли десятки джаз-роковых и роковых композиций — от Джона Колтрейна и Роллинг Стоунс до Йелло и Stingа. Чернавский, человек уже известный в столичных музыкальных кругах, с первых шагов добивался от ребят филигранной точности и динамики исполнения. В 1981 году ритм-секцию Рыжов-Китаев пресса признала лучшей в стране.

Концепцию БО, как стиль, Юрий Чернавский задумал уже будучи музыкальным руководителем-аранжировщиком 1го

состава группы “Динамик”. Он со своими партнёрами С. Рыжовым и Ю. Китаевым постоянно обсуждали её и собирались воплотить в “Динамике”, но гитарист-певец группы Владимир Кузьмин не поддерживал эту идею.

Назревал раскол.

Ю. Ч. о “Красных маках”, “Карнавале” и “Динамике”.

В начале 80х в советской рок-музыке вообще было катастрофически мало стоящих музыкантов. Сцену переполняли бунтари с вялыми расстроенными гитарами и кислой музыкой. Вообще было непонятно как это можно было называть роком. Ведь рок 80х — это во-первых Музыка! Послушать к примеру Джэнезис, Гэбриэл, Полис — звук и groove такой, что у нас волосы шевелились.

Пока Питерские расшатывали социальную основу социалистического общества, мы “рулили музон” и плевать хотели на окружающую безнадёгу. У нас было всё самое главное — магнитофоны, портвейн и возможность играть что мы хотим. А плата за это счастье всего-то — пару концетов нелепой музыки в день. Да и там мы ухитрялись играть лихо и стильно — народ тащился. Но нам это уже надоело до тошноты и мы стали подумывать о своей группе.

Наконец в 1981 я сказал руководителю “Маков” Валере Чуменко, что мы уходим. (Мы с Валерой были друзья и он меня понимал) Нам нужен был только неординарный певец. Облазили все подпольные концерты и кабаки, пока не наткнулись на Барыкиным с Кузминым, которые работали, как группа “Карнавал”, в ресторане гостиницы “Салют” на Ленинском проспекте. Приехали, послушали, поговорили (мы давно знали друг друга) и я решил их пригласить в Маки и сделать там отделение “Карнавала”. Мужики согласились.

Но Кузя и Барыкин постоянно грызлись, да и их музыка была нам не совсем близка. И мы в конце концов таки ушли, и Кузьмина позвали с собой (Барыкин был классным музыкантом и идеологом “Канавала”, но мне хотелось другой музыки, а он остался с “Карнавалом” в Маках). Нас стало пятеро — Ю. Китаев, С. Рыжов, В. Кузьмин, я и саунд-инженер Юра Фомин. Я пахал, как Папа Карло месяца два-три — сидел над аранжировками, репетиции, записи группы вместе с Юрой Фоминым (2 альбома подряд), бегал устраивал оргвопрсы, вёл переговоры с менеджером о гастролях, рекламе. Ребята тоже выкладывались. Наконец выехали. И после первых же концертов поняли — выстрелило.

Но не успело дострелить, как Кузьмин резко “потянул наше одеяло” на себя — “солист” так сказать. Начал с Рыжим и Китайцем шушукаться... Но я же группу делал, а не концерт солиста В. Кузьмина... Я плюнул и ушёл из “Динамика”. Было жалко конечно, но я терпеть не мог закулисные интриги. А здесь Паша Слободкин предложил мне музыкальное руководство. Так я оказался в “Весёлых Ребятах”. А через пару месяцев и Рыжов с Китаевым сбежали от Кузи опять ко мне. И Юра Фомин ушёл, забрав свою аппаратуру. А Вова наконец воцарил в “Динамике” в полном сольном одиночестве.

К следующим альбомам “Динамика” мы уже не имели никакого отношения. Наша “Динамовая” эпопея кончилась, началась “Банановая”.

Автор:

Легенда гласит, что Чернавский, работая ещё в “Динамике”, зашёл как-то утром в гостиничный номер к Рыжову и спросил — “старик, я опять про бананы. Вот придумал такого ма-а-ленького мальчика, который живёт в телефонной трубке и делает ту-ту-ту. Как ты думаешь, как его зовут”. Рыжов покрутил носом во сне и, не открывая глаз пробормотал — “бана-н-нан”. Повернулся к стенке и опять уснул... Никто тогда даже не мог подозревать, какой резонанс будут иметь Банановые приключения.

Ю.Ч. о записи “Банановых островов”.

В “Весёлых” в отличие от “Динамика” между всеми музыкантами царил полный комфорт. Было, как говаривал Буй (Александр Буйнов. *авт.*), “Одеяло на всех”. Все музыканты подобрались классные, заводные, и все уважали друг друга. Даже “железная рука” — Павел Яковлевич Слободкин наблюдал наши фокусы с одобрением. Володя Матецкий от нас не вылезал — мы сразу обратили его в Банановую веру.

Я Матецкого раньше не знал, а здесь мы подружились и Володя взялся мне помогать в моих Банановых хлопотах. Он целыми днями носился по Москве на своём зелёном “Жигулёнке” и творил чудеса коммуникабельности, а так же подкидывал мне интересные идейки по текстам. Так что проект совершенно правильно называется Чернавский-Матецкий не смотря на то, что некоторые в этом сомневались, приписывая одному мне проюсирование альбома. Мы без него так быстро никогда бы не записали материал.

Мы репетировали и записывались в подвале, где рядом с

комнатой для записи был склад и стояли гора синтезаторов и 2 здоровенных допотопных STMa, которые незнамо откуда приволок Матецкий. Там же громоздились ящики с разным концертным барахлом и нависали толстые трубы под потолком, которые постоянно текли. Так что к магнитофонам я часто ходил по доскам уложенным на кирпичи, но мы на это не обращали внимания — интересно было, по кайфу.

Помню я включал магнитофон с полуметровыми бабинами плёнки и бежал в другую комнату, где стояли колонны колонок и усилителей и мы с Игорьком Гетауллиным часами искали нужную фразу. Потом слушали записанный бред и уже выбрав куски, начинали с ними манипулировать на общей репетиции. Звук и удар у Гетауллина был — настоящий “Stratocaster”, такого в стране ни у кого не было.

Буйнов изгалялся на клавишных и “руководил кайфом” — заводил всех. На репетициях и на записи царил полный кавардак — вино, девчонки, но музыкальная дисциплина была железная. Умеют же если захочут! Я ночью уже падал в свою “семёрку”, засыпал за рулём, а мужики всё ещё долбили какие-то фразы, споря до хрипоты, как ненормальные. Лёшка Глызин, Валера Андреев, Гетауллин, Буй, Китаец, Рыжий — все рухнули в Бананы как подкошенные.

Потом они уезжали на гастроли, а я один мрачно сидел ночами, с головы до ног опутанный плёнкой, как паук — монтировал фонограммы. Потом записывал наложения голоса и инструментов, крутя разные ручки чуть ли не ногами — рук не хватало. Было всего 2 перезаписи для наложений, чтобы не наловить шумов с плёнки. Когда чистовая запись была готова, вернувшиеся с гастролей ребята послушали и остались недовольны — они уже успели привыкнуть к демо, которые я им давал, чтобы они не забывали что сыграли. Но потом “въехали”, у меня от сердца отлегло. Мастеринг я делал с моим другом — звукорежиссёром Юрой Богдановым с фирмы “Мелодия”, куда он меня тайно провёл ночью, усыпив бдительность сторожей литром водки. Он как всегда недовольно ворчал, но работал, тоже как всегда, виртуозно и быстро.

Автор:

Всё это шокировало слушателя, производя впечатление маниакального бреда. В то же время все было необычно музыкально и имело множество слоёв подтекста. Впервые за десятки лет слушателям пришлось думать. (Интересно, что позже в колуарах и прессе обсуждали — что именно подразумевалось

под той или иной фразой.) Это был прорыв в пространство свободное от каких либо штампов (даже питерских) и конъюнктуры. Ностальгия по недостижимым островам-миражам для жаждущих быть там. Реальное вне реальности.

Ю.Ч. в заключение.

“Весёлые” повезли по Союзу Банановый репертуар, когда меня уже в группе не было — я собрал приличную по тем временам студию у себя дома и “рулил” там. Говорят, что публика приняла на “ура”. И тогда ко мне начали ломиться подпольные дистрибьюторы. Я замучался переписывать пленки и передал оригинал самому доставучему из них — переписывайте сами. Сейчас жалею. Фонограммы, которые гуляют по интернету, совершенно непотребного качества. Как бы найти того паренька, да как его зовут уже не помню.

Но многолетняя беззаветная творческая работа в “Весёлых ребятах” впоследствии обернулась трагедией — администрация ВИА начало систематическое преследование музыкантов, отдавших многие годы на создание имени “Весёлые ребята”. Им запрещалось даже упоминать, что они работали в этом коллективе — т. е. неким образом лучших музыкантов 1980-х пытались лишить их личной творческой истории и заслуженной значимости, обратить их уникальные музыкальные успехи в пользу администрации ВИА. Такой подход повлёк за собой полный распад коллектива, который буквально за несколько лет исчез с большой сцены, и можно только надеяться на возможное возрождение его прежней славы.

Года 3–4 тому назад Серёжа Рыжов и Гетауллин записали и работали в концертах несколько песен из бананов, которые исполнил Рыжов — я заезжал в Россию, мне понравилось. А потом Серёжа скоропостижно умер. У него всё по жизни было скоропостижно — скоропостижно научился играть, скоропостижно влетел в музыкальный бизнес, скоропостижно стал знаменитым и вот... тоже скоропостижно. Все банановые заложники уже сильно повзрослели, но когда мы встречаемся — раз лет в 10, всегда с кайфом вспоминаем те безшабашные банановые времена.

Автор

Вопрос: Скажите, как живёте?

Ответ: “Замечательно-о-а-а-!.. Блин...”

Продюсеры: Ю. Чернавский, В. Матецкий

Музыка: Ю. Чернавский

Слова: Ю. Чернавский (кроме: “Здравствуй мальчик бананан”- Ю. Чернавский, С. Рыжов, В. Матецкий. “Зебра”, “Робот” — Ю. Чернавский, В. Матецкий)

Аранжировки: Ю. Чернавский и группа (кроме: “Я Сам” — А. Буйнов, Ю. Чернавский)

Брейн-шторминг группа: С. Рыжов, Ю. Китаев, А. Буйнов, Ю. Чернавский

Саунд инженер — инструментальная группа: Валерий Андреев

Саунд инженер — голос и соло инструменты: Ю. Чернавский

Сведение: Ю. Чернавский

Мастеринг: Ю. Богданов, Ю. Чернавский

Состав группы:

— Соло голос (Юрий Чернавский)

— Бэк-граунд голоса (С. Рыжов, Ю. Китаев, А. Буйнов, А. Глызин, Дима Чернавский)

— Соло и ритм гитара “Stratocaster” (Игорь Гетауллин)

— Ритм гитара “Gibson” (Алексей Глызин)

— Бас-гитара “Music Man” (Сергей Рыжов)

— Клавишные (Александр Буйнов)

— Polymoog, синтезаторы (Юрий Чернавский)

— Саксофон (Юрий Чернавский)

— Лидер барабаны, (Юрий Китаев)

— Перкашен (Юрий Китаев)

— 2е барабаны (Алексей Тамаров)

Запись произведена:

— Репетиционная база группы “Весёлые Ребята” (Москва)

Руководитель группы “Весёлые Ребята”: Павел Слободкин

В начале 1980-х многоканальная техника для аудио-записи в Москве практически отсутствовала.

Первый 8-канальный "Tascam" появился у нас с Игорем Бабенко в конце 1983-го... Было где-то два-три "Фостекса" и ещё что-то, но денег, чтобы это рентовать, у нас конечно не было... Как справедливо отметил Артём Троицкий, запись альбома "Банановые острова" производилась на 2-х допотопных двухдорожечных магитофонах STM (производство Венгрии), но по жёсткой технологии.

Микрофонные линии были выведены в репетиционную студию. Плюс два микрофона (стерео) были подняты на штанги для записи общего звука в студии.

Запись:

— более недели я проводил репетиции для настройки микрофонов, акустических и гитарных спецэффектов, пульта звукозаписи и тд..

— потом, на весь период записи инструментальной фонограммы, я заблокировал пульт звукозаписи — не трогал на нём ни одного фейдера или ручки.

— около 10 дней группа записывала основной материал аранжировок.

— потом в течение недели группа импровизировала на основе и в стиле основных аранжировок.

— всё это писалось на магнитофон. Плёнки не жалели. Писался каждый звук из студии.

Наложение I:

— на установочной сессии готовый стерео-трек я старался идеально подгнать под уровень громкости реально играющей группы. Этот стерео-трек я так-же намертво заблокировал на пульте.

— аппаратура перестраивалась для новых сессий. В помещение для записей через наушники транслировались куски готового трека, как ритмический и эмоциональный ориентир для записи соло-инструментов, вторых голосов и вокального бэкграунда. Далее по той-же системе — исполнение материала, импровизация — всё в одном режиме записи.

Наложение II:

— Запись сольного голоса и недостающие соло синтезаторов и саксофона писались по технологии 1-го наложения. И опять тщательный монтаж.

Финальный монтаж:

И уже после этого я засел на 2 недели за чисто ювелирный финальный монтаж.

В первый, самый свежий трек вмонтировались музыкульные фразы так, что ни одна партия не подвергалась более одной перезаписи, А в инструментальных эпизодах звучал оригинал. Качество получилось выше всех ожиданий. (за счёт отсутствия фазовых искажений, присущих много канальной записи.)

В итоге в процессе записи альбома было произведено более

тысячи (!) механических склеек магнитофонной ленты. Для записи было использовано около 15-и километров магнитной ленты “AGFA”. Такова цена за техническую недоразвитость державы... (Например в Голливуде в это время было сотни студий, оборудованных 24–48 канальными магнитофонами, а в СССР только одна студия на “Мелодии” и одна в “Останкино”, но нас с такой музыкой туда было “не велено пущать”).)

А наша Цель была — как и у всех профессионалов — достичь впечатления у слушателей, что музыка записано легко, на одном дыханье. Чисто, без шумов и слышимых врезок эпизодов. Без ощущения текущей канализации в т. н. “студии” и тп. “Фирменного” качества, солнца хотелось...

Такой технически витуозный проект, в таких анти-условиях, мог быть осуществлён только при наличии стабильных и высоко-профессиональных музыкантов, фанатов своего искусства.

Мне посчастливилось работать с ними.

Позже я предлагал своим друзьям, именитым звукорежиссёрам: — ну-ка определите, где склейки? (Понятно, что монтаж должен быть). Никто не услышал. Так... три-четыре... Ха-х...

Троицкий и промышленный шпионаж

Я видимо не совсем нормальный музыкант, привычного профессионального типа...

И на скрипке я перестал играть не нормально, не потому, что не получалось играть классику — это очень даже получалось, а потому как — наскучило... Наскучило играть одну и ту же гениальную музыку, написанную 100–200 лет назад. Разумнее и интереснее было её слушать в исполнении великих музыкантов (ещё сносно понимающих в своё время, зачем они это вообще играют...).

А потом пошёл по разным музыкам, как по бабам — с одной побыл, с другой... Что-то цепляло, что-то нет. Да и система в СССР была... с ней особо не поиграешься... такая принудительно-эпохальная. Все на полном серьёзе писали исключительно великую музыку, от “классиков” до “рокеров”.

Я познакомился со Свердловскими, Ленинградскими (Питерскими) и др. умами и что-то приуныл — мне было не потянуть такую баржу, до основания перегруженную предрассудками из раритетных каменоломен самых немислимых философий (хоть я, собственно и не плохо разбирался в этике и эстетике ребят живших где-то от 2000 лет до н. э. и до сего времени).

И как ни странно, в спорах истина никак не рождалась — она моментально аннигилировала, сублимируясь в вонючий марихуановый дымок глубокомысленных понтов... Всё происходило по “плану”.

Артемий Троицкий не участвовал напрямую в “плановых” мероприятиях. Он относился к таким вторжениям в тайные помыслы зашуганного народа со сдержанным энтузиазмом, предпочитая массовому охмурению персональный фасон: — “лучше БГ — чем КГБ!”... или что-то там такое, вроде этого...

А. Троицкий

Такой культ индо-китайских мудрецов, и ещё к тому же экстраполированный на Брайна Ино, Боуви и прикольных отморозков типа Битлз, которые были на самом деле вполне вменяемыми мужиками, меня в то время, мягко говоря, шокировал...

Они-то там все на чистом глазу шизовали, а в “совке” ну о-

очень туманно, но очень умно думали, и очень серьёзно, и очень себя уважали за это... И самое удивительное, что даже ортодоксальная советская журналистика находила в этом очень наднебесное откровение...

Вот дурь-то — сокрушался я — неужели можно раздуться до таких размеров, если ты чуть смышлёней оловянного чайника? Поэтому, я взял и шарахнул по этому пафосу “Бананами”. Пусть, думаю, понервничают...

Вова Матецкий, ни в коей мере не глупый индивидуум, веселился от уши, по привычке морща нос, и предсказывал мне небольшую панику в умах.

Первым среагировал Артёмка Троицкий. Он заглянул ко мне на Бауманскую, уселся в кресле, одобрительно покачал ногой и молвил:

- “Слушай, с-старик. Я думаю, что у тебя не совсем в порядке с г-го-головой, но это совсем кстати по сегодняшнему раскладу”.

Я не знаю случаев, когда человеку были б к лицу кривые ноги или оттопыренные уши, но Артёмкино многозначительное как бы “заикание” всегда придавало его изречениям удивительный шарм. Если б ни это достоинство, я думаю ему никогда бы ни быть таким великим и уважаемым среди таких извращенцев, как я, или там БГ, МН, АБ, ВЦ, ВБ и других его поклонников. Кроме того, мне всегда казалось, что он это делает специально... для солидности...

Я уже жил на Потаповском, у Чистых прудов. Пришёл домой, включил телевизор. На экране знаменитый Троицкий с новостями о шоу-бизнесе со всей планеты. Я расположился на диване с чашкой кофе. Вдруг из телевизора текст:

- “... Кинорежиссёр Георгий Юнгвальд-Хилькевич начал съёмки в Голливуде экшен-фильма “Пушкин”. В главной роли утверждён супер звезда, американский певец Майкл Джексон. Музыка написана известным советским композитором Юрием Чернавским... (переложил листок на столе, спокойно глянул в камеру) Неделю назад “Мадонна” выпустила свой новый альбом...” и тд.

Я, как дурак, уставился на экран, стараясь сообразить, что — к чему...

Не сообразил.

Набрал Артёмку — никто не отвечает...

На следующее утро моя встревоженная жена Таня трясёт меня за плечо:

- “Юра, вставай быстрее, там к тебе пришли!”

- “Ну и что — бормочу я спросонья — пусть быстрее уйдут и

придут попозже...”

- “Да их там много... я их непустила... сам иди...”

Я, набросив халат, выглянул на лестничную площадку — насколько хватало обзора, по лестнице толпились люди с камерами и микрофонами:

- “Юрий Александрович, а Вы Майкла Джексона где будете записывать, в “Рекорде” или в Америку поедете?...”

Я с Артёмкой жутко старался поругаться в тот день.

А Артёмка, мой друг сердешный, смеялся, издеваясь надо мной с обычным своим замороченным наворотом:

- “Ха-ха-х... Бап-бальшим людям необходима бальшая реклама...

... Й-юрасик...”

(Юрасиком меня звал кинорежиссёр Юра Юнгвальд-Хилькевич, и успел заразить (зараза) Артёмку этим непотребным выражением названия меня...)

Артём, будучи ещё дитём, прожил со своими родителями за границей, и к нашей зудящей зависти не только складно говорил по-английски, но и писал даже... И что бы там ни говорили злопыхатели, Троицкий был и есть первый и единственный человек, кто осведомил мир о неведомом никому до сих пор русском “роке”. Его уникальные книги лежат на столах менеджеров и продюсеров всех рекорд-компаний планеты.

Помню, в начале 90-х я подписывал договор о паблишинге с одним из Европейских оффисов ЕМІ. Захожу в кабинет. Человек встаёт из-за стола, пожимает мне руку, а на столе... всё пространство уложено газетами со статьями обо мне со всего света и в центре, конечно же две книги Артёмки, раскрытые на страничке с краткой информацией о моей особе...

И здесь я понял — вот что значит в шоу-бизнесе профессиональный промышленный шпионаж...

И вот что значит в шоу-бизнесе — Артемий Троицкий.

И-Цзын, русский рок и "Конец света"

Я был полностью согласен с рассуждениями А. Троицкого о происхождении и эволюции видов советского рока из эмбрионов Дао и Конфуция.

Все прошли через это.

Но я имел свою альтернативную версию о причинах таких странных глобальных сдвигов пластов мышления.

По моему мнению не всё шло так гладко... Ведь европейские и американские мыслители были явно ближе к этическим основам рок-музыки. Но даже такие умницы, как Гегель, Шопенгауэр, Пирс со своей Логикой были явно не в почёте у совкового рока. А зря... Ведь если говорить о зарождении рок-музыки, то следы явно вели в Америку и Африку, а уж никак не в Азию...

Естественно, что миграция человечества запутала все следы но...

Но я почему-то был уверен, что причина в том, что Будда куда более безвреден для "совка", чем Ницше. Уж слишком проэксплуатировали Фридриха в 20-е... втихаря... И что древним китайцам даже в ночных кошмарах (после суши-сашими с сакэ, реквизированных у тёмных японских служителей Окодзэ и Томбо) не приходило в голову, что им в одиночку придётся вести за собой рок-н-рольный молодняк Союза Советских Социалистических Республик из глубин тысячелетий, в направлении непредсказуемых последствий далёкого будущего...

(...это они только сейчас об этом начинают подумывать).

(Немного из нетрадиционной истории)

Честно говоря у меня были кое-какие соображения, касающиеся истоков советского рока и расширения влияния ДАО на умы российских мудрецов.

Лично я придерживался одной нестандартной теории, которую и обсуждал сейчас, прихлёбывая чудесный экзотический аперитив, с моим просвящённым приятелем, Виталиком Сундаковым.

Виталий Сундаков — человек-легенда:

— Действительный член Русского географического общества.

— Действительный член Международного центра духовного, нравственного и физического возрождения (Франция)

— Исламское имя: Бахтияр Абу Райхан ибн аль Беруни — (Счастливый сын Абу Райхана Мухамеда ибн Ахмеда аль Беруни

— изобретателя первого научного глобуса земли),

— Воин первобытных племен: Яномами, Гуарани, Асматов, Дани.

... и далее титулы на двух страницах...

Мы сидели ночью у него на даче, окружённой снаружи тайной страстной тоской соседских дам и пушистыми ёлками.

Тема шла вертикально вбок...

Мой помощник и водитель Рома, бросив в кустах наш "Мерседес", неуверенно смотрел на меня, пытаясь вникнуть — то-ли сбежать прямо сейчас одному, то-ли подождать, пока меня ни придётся подкинуть в ближайший дурдом...

У нас с Виталиком в головах зрело прозрение.....

В общем, как постепенно выяснялось в процессе перехода от аперитива к более убедительным напиткам, дело было так.

Первая и единственная правдоподобная Версия

(Внимание! Требуется высшее востоковедческое образование)

Всё началось с утра, после завтрака...

Все твари — зверушки, разных уровней эволюции, попарно разбрелись по ковчегу Ноя, улаживая внутренние недоразумения, связанные с объявленной накануне приватизацией затопленных земель.

Великий Ной Нойевич, которого на ковчеге все уважительно звали просто "Ноич" или "НН", сворачивал гиганский парус, готовя площадку для общего собрания.

На корме скупали две неприкаянные твари, которых приютил добрый Ноич.

Светло-смуглая скромная божья тварь — умный мальчик Дао, в обществе обложенной папирусными свитками, тёмно-смуглой энергичной, но не менее божьей твари — по фамилии Бога—"Ра".

Краткие персональные инфо с иллюстрациями:
(отсутствуют)

Раб Бога—"Ра", которого все звали коротко, по имени — Раб (в переводе с пангейского "Трудолюбивый, работающий"), был родом из Пангеи, из района, в котором сегодня расположена Харьковская область. У его рода было много родственников в местах, где сегодня находится Васильевская стрелка и все они как сыр в масле катались, одалживая друг-другу что угодно, под проценты, в рамках натурального товарообмена — "ты мне — я

тебе”.

Впрочем, у него везде была масса родственников...

При первом расколе Пангеи — пронесло. Их родовую пещеру в отделившейся Лавразии только сдвинуло чуть-чуть в район, где сегодня расположена Одесса, а переезжать в отколовшуюся Гондвану его предки и не собирались (там и так Рабов-родственников было не счесть, и все — голытьба-голытьбой).

Но при втором расколе Пангеи их пещеру снесло в географическую зону, где сегодня расположен Нью-Йорк, Восточный берег... Таким образом предки Раба потеряли Родину и позже породнились с предками индейцев, которые по факту были родом из района, где сейчас расположен Бердичев и, в принципе, были потомками викингов, чьи могильные холмы-захоронения до сих пор десятками находят в тех местах...

См. Викинги на Родине <будущ. Бердичев> / Запоздалые сводки Би-Би-Си

http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1326000/1326611.stm

Мальчик же Дао (пре-/предок Лао-цзы) спокойно жил со своим двоюродным дедушкой в географической точке, соответствующей расположению горы Юньти (Где сегодня находится Колыма).

Он то попал на ковчег совершенно случайно. Без разрешения залез в дедушкин сад и заблудился в кустах малины на вершине горы Юньти потому, что испугался и ему хотелось позвать то бабушку, то дедушку — то “Инь, то “Ян”... Он так и не заметил когда случился потоп...

И, по нужде причаливший к вершине, сердобольный Ноич спас мальчика, волоком втащив раздираемого сомнениями промокшего растрёпанного Дао на ковчег, в темноте перепутав его с Маугли...

Но всё это было давно, до регулярных, осточертевших потопов...

Тендер

А сейчас Ноич, простёр руки над ковчегом, требуя внимания и тишины:

- “Тендер! — трахнул он веслом по мачте — Азия!” (*англ.* Thunder — гром; *русск.* Тендер — аукцион, конкурс; *итал. испанск.* Tender — натягивать, штукатурить)

Зверушки, не будучи знакомы как с русским и английским, так и с испанским и итальянским, решили, что “можно брать!”...

Но Великий кормчий Ноич, неожиданно, за исключительную самоотверженность в проведении общей аудиторской проверки, все просторы Азии передал в распоряжение... Раба Бога-"Ра"?!

Зверушки схватились за головы:

- “А “тендер”?! Эх-ты...! Что-ж это такое-то?...

— То-ли это *англ.* Thunder — гром?

— То-ли *русск.* Тендер — аукцион?

— То-ли *итал. испанск.* Tender — натягивать, штукатурить???... Но если даже и штукатурить, то что именно...?

— Или это вообще что-то другое... А может Ноич что “кроит”? Дык как будто кормит и поит! Вон пайку прибавил вдвое...”

В повисшей тишине мальчик Дао вдруг горько заплакал. Раскаивающиеся и расстроганные Раб и Ноич облобызали обливающегося слезами мальчика Дао, и Раб воскликнул на старо-славянском, сверкнув орлиным взором:

— “Шалом! И-Цзин! Почему-ж мне-т эт всё?... А тибе-т, ничо?

... Что происходит с центрами Цзы?!”

Все зверушки были потрясены великодушием Раба Бога-"Ра", и по предложению Ноича передали частичные права собственности на Восток Азиатского беспокойного региона счастливчику, мальчику — Дао.

Все пели: — “Спасибо Раб и Ноич, спасибо Раб и Ноич” После чего, все кинулись на колени перед Дао, и просили его ограничиться “даосизмом”, и не вступать в другие “...измы”, пообещав в качестве компенсации Тибет. И взяли с него слово — из Тибета, ни ногой!

Дао поклялся “И Цзин” (“Книгой Перемен”), обещая, что перемен не будет...

Катились тысячелетия

Тысячелетия катились, как снежный ком, наворачивая на себя наивных потомков, которые своей массой, в свою очередь, давили всех, кто вовремя не успевал отскочить в сорону...

Авторские права на Великий Гимн “Спасибо, Раб-и-Ноич”, после земной смерти Ноя Ноевича отсудили потомки Раба Бога-"Ра".

Не знакомые с историей музыки, погрязшие в долгах потомки радостно распевали:

— "Спасибо Рабинович, спасибо Рабинович...", ошибочно принимая текст Великого Гимна, за святое имя в долг дающего. А так как должны были все, а отдавать было нечем, то в долг дающих частенько поколачивали. Но на их защиту вставали те, кому в долг пока не давали. И чтоб не запутаться и не получить по ошибке по лицу, Рабиновичами стали звать исключительно дающих, что им очень нравилось, а берущим было всё равно как их зовут, хоть Ваня — лишь бы давали...

Так постепенно трансформировался древний polysemanticism — "мине-тибе" в грамотную нано-технологичную формулу — "себе". А так же систематически создавались и финансировались многочисленные "...измы", для усовершенствования процесса давания и отбирания...

В то самое время потомки мальчика Дао, являющиеся по факту глубокими предками, тайком укрылись в тишине Тибета, чтобы Цянь не могла быть случайно дезинформированна с помощью Кань...

- [Злые языки утверждают, что позже один из коррумпированных поэтов Китая — Су Ши (1036–1101 г.г.), пользуясь своим авторитетом в корыстных целях, стал основателем известного японского френ-чайза "Суши", чем предал клятву мальчика Дао, данную Рабу Бога-"Ра", и чем обесчестил в веках Великий Гимн "Спасибо, Рабинович"... И ещё дерзко насмехался, мол:

— "...чему ещё завидовать тогда?..."

Коим высокомерием и спровоцировал его (т. е. "Рабиновича") на все последующие неблагоприятные поступки, которые ему с тех пор уже вечно было суждено совершать...]

Провал "Хэппи Энда" начала XXI века

И здесь-то и всплыли на свет всевозможные неприятные факты.

Оказалось, что последующие великие некитайские мыслители, включая Маркса, Ницше и Когановича (ребят, с нетрадиционной русской ориентацией) давно уже бьются черепами об основы собственных памятников (снизу), и поносят последними словами "совок" за забвение незабвенных истин, "...измы" Рабиновича, и конечно люто ненавидят идеологов русского

рока, за их дальне-восточную ориентацию.

Результаты не заставили себя ждать:

— "Нострадамуса-бы на вас, со своим треножником... " — раскачивали они свои неухоженные монументы:

— "Он бы показал вам "Кузькину" мать!.." — колотились они башмаком в крышки гробов, таким образом накликая появление мессии.

Но почему-то появилась не обещанная мать, а... сам "Кузька"...

Видимо он и должен был обеспечить "Конец света", т. е. "Нарру End".

("Конец света" конца XX и начала XXI, был ложно интерпретирован — людям хотели показать хороший Конец, а не какой-то там...)

Я свидетель, так-как случайно оказался у судьбы под рукой... Но, внедрённый общими усилиями, прозападник "Кузя" в одиночку (даже без матери), хитро обойдя всех мыслителей-разработчиков высокой миссии, самозванно провозгласил диктатуру "Кузьминизма" (не путать с диктатурой Коммунизма), и круто запопсовал.

— "Вау!.." — обалдели кинутые трансценденталы... И решили никогда больше не иметь дела с дилетантом Мишелем:

— "Он так и Генриха II в гроб загнал... — возмущались они — ...ещё в 1559-м... аш за 394 года до наезда на бедолагу Джугашвили, перепутав "СС" с "СССР", и Генриха II с Генрихом Гиммлером, который только потому и ухитрился протянуть вплоть до 1945-го, что Мишель по пьяни принял Троцкого за Бродского..."

Одним словом — был большой скандал...

Хороший Конец света не состоялся... Как и никакой другой.

Было уже слишком поздно... Концы на переправе не меняют...

Тем временем животная стихия "Дуй" вообще разбрелась, куда, и впала в депресняк, часто прерываемый запоями с последующим моральным "опущением", в прямом соответствии с гексаграммой № 62...

Надо было что-то делать!..

А кому?

...И опять же древним китайцам "в законе" Соматийной зоны Дао, ничего больше не оставалось, как снова положиться на надёжных БГ, МН и остальную верную Питерскую тусовку, приправленную свежим Наутилусом Помпилиусом (им ещё Конфуций лакомился).

Тогда то, китайская родня лемурийских Сомати и замыслили

заселение земли обетованной. Трансцендентально сговорились с питерскими потомками Раба Бога-"Ра" основать свою собственную "Сторублёвку", в ответку московской "Рублёвке". Туда спешно вернули из заграничной командировки опытного строителя Центров Цзы, со спец-миссией — дистрибьютировать ДЭ-(питерцев), путём развода вертикально-утекающих в горизонтально-поступающие.

Но так, как тусовка вскоре чётко поделилась на три враждебных лагеря "Инь", "Ян" и "толи Инь — толи Ян" (в нарушение закона ДАО), грянул карающий Чжэнь, и Цянь обрушило на "Сторублёвку" ядовитый карающий нефтяной Кань. Но мудрые потомки "Рабиновича" вместе с опытным строителем Центров Цзы, тут же увели вредный карающий поток за рубеж, быстро разменяв Кань на ДЭ-(Себе) в долларовом эквиваленте...

И только тогда воцарила всеобщая гармония вселенной!

Космический эрос триграмм на трёх аккордах "Ся" — "Попсянь"!

Но это ещё версия, её проверять надо...

С другой стороны, кто осмелится утверждать, что всё не происходило именно так?

P.S.

О-о! Эти две коварных неопределённости... Дао и И-Цзин...

Именно потому я так бережно пекусь о мудром барабанщике — Китайце!

У него по жизни всегда — то "Инь" то "Ян", а ведь это классическое Дао!..

Дай бог ему здоровья!

.....

Наименования, термины — можно найти: <http://www.philosophia.ru/science/philosophy/309/>

О выносливости русских рокеров

Сила долга...

Концерты в Куйбышевском Дворце спорта уже заканчивались. После утренней репетиции все разошлись кто-куда, а за нашим известным барабанщиком Юрой Китаевым приехала толпа местных музыкантов и повезла его осматривать город.

Обычно мы собирались за час до концерта на sound-check. Юры нет...

Ну мало-ли...

За 15 минут до начала забеспокоились, стали куда-то звонить...

За пять минут до выхода на сцену появляется Юра — идёт прямо, ни на кого не смотрит, переодевается и садится за барабаны на сцене. Так тихо и хрипло спрашивает: “ну, что играем сегодня?” Мы похолодели... Поняли, что человек без сознания (будь проклята эта его экскурсия и все фанаты ударных инструментов). Зал полон, делать нечего — начинаем.

Китаец играл чётко, сосредоточенно, как в последний раз... Концерт закончился долгими овациями. Юра с энтузиазмом помахал восторженным зрителям руками, прокричал что-то и в общей суматохе скрылся за кулисами (позже мы там его и нашли, спящим в углу, в кресле).

Кое-как довели его до отеля, раздели, уложили в кровать, а сами заказали в номер ужин. Часа в 2 ночи начали шумно расходиться. Рыжов, за спиной у нас, тихонько потрепал тело Китайца и шепчет ему на ухо: “вставай, старик, на концерт пора”.

Юра, как солдат, резко сбросил ноги с кровати, почесал макушку, достал одежду из шкафа, умылся и начал быстро одеваться. Все забеспокоились — куда это его несёт ночью глядя.

Спрашиваем:

- “Юран, ту куда это собрался?” Он так удивлённо, ясными голубыми глазами посмотрел на нас и говорит:

- “Как куда? На концерт...”

Муслим и джаз-рок

Где-то через полгода после моего прихода в Госоркестр Муслима, наш аранжировщик Юра Якушев подошёл ко мне и спрашивает:

- "Юр, мне тут ребята сказали, что ты специалист по джаз-року — "Earth, Wind & Fire", "Blood, Sweat & Tears" ну и там..." — он пошевелил пальцами в воздухе — "Такое дело — Муслиму надоели его аранжировки, хочет свежатинки. Как ты смотришь?"

Я спрашиваю:

- "а что именно?"

Он:

- "да что хочешь, модное только. Возми-ка "Свадьбу" переделай, посвежее, с дудками".

Говорю:

- "типа "Chase" что ли?"

Он:

- "во-во! Давай..."

Через дня два аранжировка была готова. Эффектное синкопированное трубное вступление, в высоком до упора, диапазоне, и проигрышь. А в середине на вокале — только заводной ритм и простая инструментальная фактура.

Муслим уселся в зале и я начал репетировать новый вариант "Свадьбы" (Ах эта свадьба, свадьба, свадьба пела... и плясала... и т. д.)

Сидит оркестр и чувствуется, что после вчерашнего банкета последнее, чего бы хотелось мужикам, это — играть (мне тоже).

Из группы труб зовёт Робик Андреев (трубач-виртуоз из Баку):

- "Чернавский, а что так высоко всё написано, ара, а? Это что, всё быстро играть надо?"

Я успокоил народ — мол это только короткое вступление и проигрышь. Т. е. пара кусочков, а потом у них игры вообще нет — вступает другая фактура

- "Как вы играете, говорю, Bill Chase просто отдыхает"...

Начали. Минут через двадцать всё уже звучало, как надо. Даже круче, чем я предполагал. Чувствую, всем нравится. Муслим хлопает из зала, кричит — класс, мол, вот этого я и хотел — джаз-рок... Забирается на сцену, берёт микрофон:

- "давай Юра, где тут вступать".

Я объясняю — "после трубных синкоп пауза... три, четыре, раз-и... поехали".

Потопал ногой, Муслим вступил, всё ОК.

Я похлопал в ладоши, все подняли инструменты...

Даю счёт. Трубы сыграли точно, на самом пределе дапазона... синкопа...

Муслим озадаченно молчит, смотрит на меня: “подожди-подожди, что-то не соображу... давай ещё разок”. Он повернулся к слегка побагровевшей группе труб и показал большой палец — здорово, мол.

- “Может с ритмом пройдем, для начала?” — засомневался я.

- “Нет, так не интересно” — махнул рукой Муслим.

Даю счёт. Трубы сыграли точно, на самом пределе дапазона... синкопа...

Муслим деловито: “ещё, я понял...”

У трубачей с крепкого “будуна” выступил на лбу пот — ноты-ж высокие...

Даю счёт. Трубы сыграли точно, на самом пределе дапазона... синкопа...

Муслим расцвёл: “по-онял! Давай ещё, ...”

Наш флюгер-горнист Герман Лукьянов смеётся, спрятавшись за нотный пульт. Трубачи — Робик Андреев, Володя Ливитин и Радик Шакаров — главные туттисты, смотрят на Муслима и меня с явной ненавистью.

- “Давай!” решительно командует Муслим...

Даю счёт. Трубы сыграли точно, на самом пределе дапазона... синкопа...

Муслим вступил, но не попал в долю:

- “сейчас будет” — уверенно сказал он. Теперь уже весь оркестр давился от смеха, поглядывая на нахохлившуюся группу труб, которые пурпурными лицами тупо смотрели перед собой.

А Муслима охватил азарт: — “давай ещё!”

Говорю:

— “Муслим, давай перерыв сделаем, трубы сдыхают. Они это вступление уже который раз мусолят. Как же они будут на концерте играть?”

Муслим:

- “ну ещё раз, и перерыв...”

Даю счёт. Трубы сыграли точно, на самом пределе дапазона... синкопа...

В баре ко мне подошёл Юра Якушев и радостно сообщил — мол, всё класс, чистый джаз-рок, только Муслим должен немного привыкнуть.

А потом меня пригласили за столик трубачи Робик Андрев, Володя Ливитин и Радик Шакаров. Принесли кофе, и Робик поделился со мной своими планами на будущее:

- “Юра-джан, если ты ищешь рас напищешь Муслиму джаз-рок,

мамой кланусь, увалняюсь... хачу умереть на Родине..."

Флейты, джаз и философия

В оркестре Муслима не было флейт...

А тут наш штатный аранжировщик Юра Якушев случайно впал в депрессию и нас с Сашей Пищиковым, как продвинутых музыкантов, попросили делать новые аранжировки для Муслима.

А флейт в оркестре всё не было...

Вот мы с Сашкой и решили писать для себя флейтовые партии, заботясь исключительно о прозрачном качестве звучания...

И со временем так получилось, что все вкалывают на сцене, а мы сидим в артистическом баре за кулисами и, потягивая коньяк, лениво рассуждаем о том, как вроде-бы сказал Заратустра... и зачем Фридриху было надо чтобы этот Заратустра говорил что-либо вообще...

Как-то пробегает мимо Петруха — инспектор оркестра. Он заметил нас и спрашивает так строго:

- “Чернавский, Пищиков, вы почему не на сцене?”

Мы прервали нашу серьёзнейшую интеллектуальную беседу и тут-же резко наехали на Петруху — мол, сколько можно просить чтобы флейты купили! Ты мол, Петруха, только о тёлках думаешь, а не о высоком искусстве. Не будет флейт, Муслиму расскажем, какой ты здесь бардак разводишь, и тогда-то тебя мол, Петруха, и уволят за развал уникального творческого коллектива.

Петруха вытрашил на нас глаза: “да купят вам флейты...дня через два...”

Махнул рукой и исчез.

Такая сцена регулярно повторялась почти каждый день, пока мы работали в Государственном оркестре Азербайджана п/у М. Магомаева.

Вот и сегодня во время концерта, мы с Сашкой коротали время в баре за рюмкой коньяка, в обсуждении точек соприкосновения теорий Ницше, Бокля и Фрейда. После пятой рюмки я сосредоточился и озвучил предположение что:

- народ не надо ублажать,
- народ не надо развлекать,
- народ не надо ласкать нежными звуками,
- а народ надо...
- народ надо...

...“Пугать!!!” — рявкнул Сашка и залпом шарахнул шестую рюмку.

Потом мы дружно выпили по седьмой за такое, выстраданное у барной стойки, философское откровение и решительно

двинулись на сцену — испытать, как такая формула будет воспринята населением СССР.

В конце первого отделения концерта, усыпанный цветами Муслим уходит за кулисы. Звучит инструментальная композиция Александра Пищикова. Перешагивая через горы роз и гвоздик, я с трудом пробираюсь к центральному микрофону — моё соло.

Смотрю в переполненный зал — публика, после выступления Муслима, оживлённо обсуждает что-то между собой. Никто не обращает ни малейшего внимания ни на музыку, ни на то, что я вышел к микрофону, ни на всех остальных вообще.

Ну-у, думаю...

Изловчившись, я засунул саксофон в самый микрофон и издал высокий, долгий, пронзительный, хрипящий отвратительный звук. Пока он звучал, неожиданно поддержанный бешеным ритмом конго Вити Акопова, я скорчил свирепую рожу и вполглаза наблюдал за народом. И тут же увидел, как избегающие под потолок ряды кресел резко съёжились по высоте — весь дворец спорта испуганно уставился на меня, вжав головы в плечи...

Я выбрался из этого звука длиннющим пассажем и стал играть, сыпая хрипатыми нотами, как из пулемёта...

У оркестра потихоньку начала крыша ехать... Сашка вышел на соло в следующем эпизоде. Как он только ни изгалялся, поливая публику скорострельными фразами, визжа и хрюкая...

Кайф крепчал...

Трубы и тромбоны зацепили одну свинговую фразу из партитуры и топая ногами шпилили ее как маньяки. Взлохмаченный пианист Коля Левиновский с басистом Витей Двоскиным контолировали “бит”. Все были супер-профессионалы и groove тащил, как паровоз...

Народ начало трясти... меня тоже...

Весь этот чёткий, пульсирующий кошмар стремительно катился к кульминации — звукорежиссёр Вова Ширкин по-заводу загнал мастер-фейдер до отказа и горы колонок буквально прыгали по сцене... Проснувшиеся осветители стробоскопили зал прожекторами, как на войне, чем окончательно доканали обалдевшую публику.

Не помню, как я опять оказался рядом с Сашкой, и мы вдвоём замочили совершенно какофоническую каденцию, законченную безумным аккордом вконец распоясавшегося оркестра. От последнего брейка у барабанщика Вити Еппанешникова все тарелки попадали. Свет погас. Тишина...

Народ, впервые в жизни попавший под такой музыкальный беспредел, затаился не дыша, а потом заорал, обвалившись

свистом и апплодисментами, как на футболе...

В антракте всё продолжилось у стойки бара. Петруха орал что-то невразумительное громче всех, размахивая руками. Такое редко случалось. Даже интеллигентный трезвенник Герман Лукьянов выпил глоток, и они с Володиёв Коновальцевым перебивали друг-друга и хохотали на весь холл...А потом к нам подошёл директор оркестра:

— “Слушайте, ребята, вы что там устроили со своей композицией? Такой ажиотаж! Публика только об этом и говорит. Тут к вам какие-то музыканты ломятся за кулисы ... Муслим уже нервничает — ревнует наверно... Вы уж полегче там... Не Америка-ж...”

Мы молча смотрели на него, щурясь от сигаретного дыма — отходили от неожиданного кайфа...

Так в суровой атмосфере закулисных буфетов ковалось наше понятие — “что есть музыка”.

P.S.

А флейты так и не купили... Я думаю — до сих пор...

Пядман и " — что делать?"

Меня, с моим дружкой и партнёром по нашему музучилищному джаз-квинтету, Блохой (трубачом Юрой Блохиным), набрали в профессиональный состав ансамбля “Молодость”, доукомплектованный столичными Народными артистами — тамбовский супер-хит 1960-х.

Народные артисты просто обожали так называемый “чёс”, когда делалось где-то около сотни концертов в месяц...

Выехали на гастроли по тамбовской глубинке. После первого дневного концерта в каком-то заводском клубе, где я соловьём заливался на саксофоне в сольных пассажах стиля Джон Колтрейн, за кулисами меня окружили артисты. Хлопали по плечам и восторгались — как это я умею так технично и классно играть.

Особенно Пядман (Гена Пядушкин) — саксофонист-баритонист, смуглый красавец с глазами-маслинами, мечта всех тамбовских девушек и гордость руководителя “Ансамбля Молодость” Эдика Смольного...

Потом ещё несколько концертов по местным “Красным Уголкам”, где меня попросили играть соло вообще во всех песнях. Вся бригада каждый раз собиралась за кулисами, послушать как я играю...

Поздно вечером вернулись в апшарпанную гостиницу, собрались в номере у Пядмана.

После нескольких тостов за наш дебют, Блоха, по своему обыкновению, начал всех веселить. Он строил рожи, прыгал по столу, чесался как шимпанзе, ухитряясь не опрокинуть ни одной рюмки, и т. п. Все, включая “народных”, смеялись до икоты. Наконец Блоха успокоился.

Пядман досмеялся, вытер рукавом слёзы выступившие от смеха...

Потом повернулся ко мне: — “Ну, Юрок, а ты то что умеешь делать?”

Белое солнце пустыни

И в музыке, и в разного рода научных измышлениях, так же, как и в наждачном производстве я не терплю дилетантизм и демагогию. Осознанное безумие — это да...

Энгельс-Шменгельс, Маркс-Шмаркс...

Всё это инфантильное баловство и мастурбация самолюбия, в целях привлечения лупоглазых глупых самок и охмурения криминальных придурков для имитации собственного величия...

Нет ничего проще, чем создавать теоретические базы для социальных потрясений. Ведь в этом деле главное — на кого-то наехать!

Не важно на кого, но чтоб польза была... для N-ного достаточного количества очень справедливо возмущённых...

На мой взгляд совершенно ошибочно считается, что для общественных катаклизмов нужны серьёзные предпосылки. Они (предпосылки) всегда были и будут. Т. е. мир ежесекундно готов к катаклизмам, требуется только одно... вернее одна... или один, по настоящему прикольный пацан, чтобы нарушить зыбкое равновесие. Достаточно шаловливым пальчиком нажать — “Рабы не мы...”, “долой богатых”, “долой цвет глаз не цвета флага... или размеров черепа...”, “недра народу...” или там...

Конечно повозиться надо, но это не более чем отсудить десять соток у соседа на Клязьме... Остальное — текучка...

.....

А ктонибудь слышал когда-либо:

- “ДОЛОЙ БЕДНЫХ!”!!!

- “ОТОБРАТЬ ВСЁ У БЕДНЫХ И РАЗДАТЬ ВСЁ БОГАТЫМ!!!

(Теоретическая предпосылка, лозунг: “Бедности — Нет!”)

И срочно начать старательно мочить всех бедных пока ни останутся одни богатые!

Мочить и мочить... без передышки, всем миром... даже в сортире... без удобств... и даже в удобствах во дворе...

Пенсии и пособия считать финансовым преступлением:

— Пенсия — 10 лет общего режима,

— Пособие — 12 лет одиночки...

... Стой... а зачем это?

Пенсию-то можно даже утроить, но главное-ж — замочить!!!

Да и кто-ж тогда признается, что он бедный? Будь он даже гол, как сокол, он будет мочить всех бедных до упора, чтоб его

самого не замочили... А если будет хорошо мочить, то и будет богатеть соответственно количеству и качеству замочения... Да и самому приятней считать себя как бы “Богатым”.

Вот тебе и “Город Солнца”. Кампанелла, так сказать...

Хотя все понимают, что всё относительно, конечно.

Теперь подумайте. Дилемма “богатый — бедный”:

— Б. Гейтц — Рокфеллер

— Вексельберг — Фридман

— Абрамович — Путин... У-у-пс... Ну ладно, проехали...

— Кац — Иванов... и тд.

Что ж, они друг-друга мочить начнут?

Конечно!

И ещё круче, чем сейчас!

И в первую очередь!

Вот это стимул!!!

Но зато потом...

Комитеты для помощи богатым, приюты “Hilton” для бомжей-миллионеров, аттракционы за 5000 баксов в сутки “Сон под платформой с четырёх-разовым питанием в помойке”, одноместные камеры в “Матросской тишине” за 2000 долларов в час, с участием “урок” — артистов из МХАТа...

Всё чего мы "стыдимся", мгновенно станет предметом гордости.

Да "хрущовки" не рушить надо, а беречь, как зеницу ока — исторический сов-раритет! Через пару лет все миллиардеры мира будут в очереди стоять за 45-и метровой квартирой в блочном доме, с совмещённым санузлом и кухней 6 метров — это как келья в замке "Иф" — в мире ни у кого такого нет!!! Надо только цены придумать заоблачные...

И тогда им не нужно будет напрягаться, таская кирпичи из одного угла поместья в другой, как это делал вместо зарядки Уинстон Черчилль. Тогда можно будет комфортно спускаться с 9-го этажа на 1-й, и (соответственно) подниматься обратно, сколько захочешь. А неработающие лифты вообще демонтировать и устроить за решётками лифтов экзотический зоопарк из бродячих хомячков, собак, кошек, тараканов, клопов и голубей — гонцов Мира, дополняющих общий дизайн нижней поверхности абстрактным белым орнаментом...

Должна же Россия иметь свой советский исторический шарм и развеять миф о бродящих по улицам белых медведях, заменив их спящими в подъездах "каликами переходжими" в красочных национальных костюмах.

Вы что, ломаясь в египетские пирамиды, джакузи с евро-ремонтom вертолётных площадок увидеть рассчитываете?...

У меня даже дыхание перехватывает от неисчерпаемых возможностей быть немислимо богатым, предоставив любопытному человечеству в кайф то, что мы сами люто ненави́дим...

"Долой бедных!"

Да вся страна станет мировым туристическим центром (а если ещё ГУЛАГ в конце концов полностью реставрировать...)

Представьте, встречаются два богатых — один на "Robinson R22", другой на "Ламборжини" у пивной в Эрмитаже (бедных всех уже замочили):

- "Ну как ты?..."

- "Да вот, богатею, ничо не могу поделать... беда... А ты?"

- "Да я-т нормально, а ты чё-т слабо богатеешь... Смотри, замочим... если не исправишься..."...

Да ради такого... я готов все предпосылки обосновать... точнее выражаясь, аргументировать факт никоим образом не минуемой революционной ситуации. Готов даже Гимн написать, в исполнении богатых артистов!

Мне за это и платить не надо. Я уже давно богат до предела...

В любом случае не только думать надо, но и...

... хоть иногда подумать явно не мешало бы...

Ну а если кто думает, что я зря это вот...

... что, мол, и так прокатит?.....

— ...Так "Эт врят-ли"... (Цитата из к/ф "Белое солнце пустыни")

P.S.

Стоп... Господи праведный, а может это неосознанный плагиат на уже давно где-то работающий концепт? Где бы проверить авторскую заявку?

Телефончик агенства дайте!..

Эдуард Смольный

А сейчас... Эдуард Смольный! — ный — ный — ный... — Разнёсся эхом по переполненному концертному залу голос конферансье.

Мы (т. е. ансамбль “Молодость” Тамбовской Филармонии) уже подтянулись за пустые кулисы прямо из автобуса, в концертных костюмах с инструментами, готовые к выходу на сцену. Шквал аплодисментов...

Публике и в голову не приходило, что минутой раньше за сценой вообще никого небыло!!!

Мы работали на гастролях под загадочным название “вертушка”. Система Смольного состояла в том, что одни и те же концерты были назначены в 6:00, 6:30, 7:00, 7:30, 8.... и т. д. до 11:00, на разных концертных площадках города. Концерт был сборным, т. е. состоял из набора независимых выступлений Звёзд Советской эстрады таких, как Ободзинский, Кобзон, Магомаев, Ненашева, Карцев и Ильченко, Ратару... и известнейших актёров кино — Смоктуновского, Леонова, Раневской, Евстигнеева, Никулина, Вицина, бригады “Неуловимые мстители” и многих других.

Артисты, после выступления, бежали в ожидающий их персональный автобус, который мчал их на следующую концертную площадку. В то время, как у служебного входа уже тормозил автобус с другими артистами, которые бежали на сцену, точно по составленному графику выступлений. В результате каждая группа артистов работала в более чем в десяти концертах в день... В месяц 20 и более городов.

Считаем: получалось 200 и более концертов в месяц! Оплата по высшей категории — минимум 14.50 руб за выступление. Более 2800 руб. в среднем на нос. У Особо Заслуженных — в пять раз больше (русский FIAT-“Жигули” или 2-х комнатная кооперативная квартира стоили 2500–4000 руб... Средняя зарплата по стране — 120 руб.)

Полный разврат, на первый взгляд... Но оцените затраты!

Эдуард Михайлович, как и все его администраторы, имел возможность поспать только в самолёте, организовывая ежедневные развлечения советского народа в затурканных городах необъятного СССР — от Владивостока и Камчатки, до Прибалтики и Молдавии.

А какой размах!

1971-й год. Находящийся на пике своей популярности, Государственный джаз-оркестр п/у Олега Лундстрема и я в его составе, подъезжали к городу Ташкенту. Поезд медленно подходил к перрону, сплошь заполненному народом с цветами. Олег Леонидович, поглаживая седые усы, довольно щурился в окно мягкого вагона и, глянув на меня, наблюдающего эту картину у соседнего окна, глубокомысленно заметил: “Джаз — он и в Ташкенте — джаз!”.

Разошлись по купэ готовиться к выходу.

Мы толпились в тамбуре за Олегом Леонидовичем. Поезд, конвульсивно дёрнувшись вагонами, с шипением остановился. Проводник открыл дверь.

Толпа с рёвом бросилась к нам. Олег Леонидович улыбаясь раскинул руки, как бы отдавая всего себя на милость публике. Но толпа... задевая за распахнутые полы его длинного летнего пальто, рванула к двери соседнего вагона, находящейся в двух шагах от нашей!..

— “Наверно вагон Брежнева ночью прицепили” — предположил стоящий за Лундстремом наш инспектор Осколков. Олег Леонидович, стараясь изо всех сил обрести душевное равновесие, выглянул из вагона...

Прямо в восторженные объятия публики из соседней двери вывалился... Эдуард Михайлович с несколькими, хорошо знакомыми мне по совместным “вертушкам”, Народными артистами. Пронзительно хрюкая, к ним, сквозь бурлящую у вагона толпу, протиснулась обкомовская чёрная “Волга” со сверкающим синим маячком на крыше. Смольный и его спутники послали публике благодарные воздушные поцелуи и скрылись в машине. Обдав ликующий народ ошмётками вырванной колёсами травы, “Волга” прямо по зелёным газонам выпрыгнула с перрона на улицу и умчалась, сопровождаемая мигалками и истеричным хором сирен милицейского эскорта.

Когда у шокированных артистов Госоркестра с лязгом захлопнулись челюсти, на мгновенно опустевшем перроне появился человечек. Он подошёл к Лундстрему, улыбнулся, представился администратором и пригласил всех в “Икарус”, который дисциплинированно запарковался вдалеке на стоянке.

Все тротуары пестрели трафаретами “Ансамбль “Молодость””.

— “Кто это был?” — изумлённо спросил меня мой закадычный друган, трубач Арзу Гуссейнов, потрясённый невиданным зрелищем. Я не успел ответить, так как на нас с рёвом спикировал военный вертолёт, осыпая улицы дождём

листовок. Одна из них покачиваясь опустилась Арзу прямо на голову. Он, закатив глаза под лоб, ухватил её за кончик. Вслух читает — “Эдуард Смольный и ансамбль “Молодость”!”. Покрутил бумажку... "Ты"... сказал Арзу, недоумённо посмотрел на меня и мы расхохотались...

Оркестр Лунстрема успешно отработал концерт при полном зале в Ташкентской филармонии.

А город всё кипел страстями под гнусавую скороговорку динамиков на снующих машинах ГАИ — “Ансамбль “Молодость”!!!”... Стадионы ломились от ошалевших счастливых зрителей. Секретари обкомов партии целовали взасос знаменитых артистов и закатывали грандиозные банкеты во славу Э.М. Смольного и его гумманитарной деятельности...

= = = = =

Но однажды Смольный вошёл в свой кабинет, и увидел там представителей Прокуратуры СССР, которые вежливо доставили Эдика в тамбовскую тюрьму.

Расстрел

Следствие длилось 2 года. Эдику грозила статья, за хищение государственной собственности в особо крупных размерах — расстрел. За это время, Смольный в тюрьме возглавил морально-недоразвитый блатной молодняк в порыве деятельности по перевыполнению искупления вины перед Родиной, и стал самым авторитетным человеком в пределах, огороженных кирпичной стеной с колючей проволокой по периметру.

Суд

По случаю, я заехал в Тамбов к маме и, конечно, поспешил посмотреть очередное шоу моего уважаемого приятеля Эдуарда Михайловича Смольного.

Увиденное превзошло все мои предчувствия...

Зал суда забит до предела. В первых рядах Народные артисты и актёры.

Эдик на скамье подсудимых, в окружении томов Уголовного Кодекса СССР и документальных свидетельств о его непричастности к нарушениям такового, гордо взирает на робеющих судей и нахального Прокурора.

Приведу только короткий эпизод этого потрясающего процесса:

Прокурор:

- “Гражданин Смольный, нарушая законы финансовой отчётности, устраивал массовые попойки в Тамбовских ресторанах, каждая стоимостью в годовой бюджет среднего машино-строительного завода...”

Эдик встаёт, перебивая зарвавшегося Прокурора:

- “Простите, Ваша честь, за годы работы в Тамбовской филармонии я провёл... — дцать официальных банкетов в ресторанах гостиниц “Концертная”, “Тамбов” и “Цна”. Все копии счетов, заверенные руководством, прошу предоставить суду” (какой-то человечек побежал к судье с кучей бумажек)

- “Да и что там говорить — распахнулся в ослепительной улыбке Эдик — Вы же, гражданин Прокурор, сами присутствовали на этих банкетах. Посмотрите на наши трогательные фото...”

Приговор

Приговор: Смольного, Эдуарда Михайловича, оправдать за отсутствием состава преступления, а так же оплатить финансовые убытки, понесённые им за время незаконного содержания под стражей...

Через три дня Прокурор застрелился...

Миллионы ангелов

Дружественные ночные налёты моих дружков и подружек на дачу, где меня поселил Коля, происходили почти каждый вечер и затягивались до утра.

И так как я привык работать по ночам, такой экстремальный график выбивал меня из творческого равновесия. Работать днём для меня было насилием над собственной натурой, когда в голове пусто и мысли бродят где попало, тщательно обходя туман привычного вдохновения...

А тут как-то заехал и Паша Жагун.

Я помню, пригласил его работать в “Маки” где-то на Украине, ещё в 1978-м году, будучи муз. руководителем этой первой в СССР джаз-роковой команды. Мы играли всё в стиле “Earth Wind and Fire”, “Blood Sweet and Tears” и т. п. Даже песни композитора, Члена Союза Композиторов СССР Е.Птичкина, чем он (т. е. композитор Птичкин) был глубоко возмущён. Потом я начал делать группу (впоследствии названную “Динамик”), а “Маки” почти в полном составе перешли к Алле Пугачёвой — ей нравилась наше направление.

Потом Паша начал писать тексты к песням, а потом и вовсе бросил играть на трубе, в связи с проблемами со здоровьем. И в 2002 году, это был уже широко известный в стране автор.

Мы просидели до глубокой ночи — воспоминания, друзья, музыка — тени глубокого прошлого... Такой был чудесный ностальгический вечер, только свечей не хватало. Он обещал помочь с текстами и дал мне нескольких новых ребят, текстовиков-песенников.

Я встретился с одним из них через пару дней. Говорили о словах... И я, незнамо почему, запомнил только фразу “Миллионы белых ангелов”. Это я помню. Я даже не помню, как зовут этого парня — листки с телефонами и набросками идей, валяющиеся где попало, моя горничная безжалостно выбрасывала, несмотря на моё отчаянное сопротивление такому способу расчищать жилое пространство.

А недели через три, на одну из моих английских баллад, эти “миллионы ангелов” легли, как врезались в мелодию. А остальной текст уже пошёл сам собой.

ОК, думаю, оставляю их, а парень сам объявится, если захочет — ведь слово “миллионы белых...”, это его идея. На том и порешил.

Так вот. Я показал текст Леонтьеву, ему понравилось.

Под утро я закончил песню. Она звучала во мне настолько трогательно и ласково, что захотелось это продлить ещё, хотя бы в прозе — перенести на себя как то... Я быстро записывал мысли, черкая по листку прямо на клавиатуре, пропуская слова и запятые. Получилось очень честно и тепло... Редко получается чисто и откровенно, но как-то нахлынуло вдруг... Бывает... но редко... Редко получается так реально, что прочитав такого рода эссе несколько лет спустя, погружаешься в ту, такую уже далёкую атмосферу и ощущения...

В то время, пока я дописывал последние строчки, приехал Боря, Валерин администратор. Ворча на меня за мою безответственность, он принялся помогать собирать разбросанные по комнатам вещи. Мы уезжали с дачи в госпиталь им. Товарища Бурденко — так, для лёгкой профилактической операции...

Я тогда ещё не подозревал, что на пути белых ангелов уже стояли материально-озабоченные люди в белых халатах. И что вся эта история закончится в университетском госпитале Лос-Анджелеса (города ангелов), куда меня привезут в полубессознательном состоянии, с целью оживить после экспериментов лихих российский профессоров. Но это было уже позже, а через несколько дней...

Через несколько дней, мы в студии начали записывать этот сонг. Трепетная мелодия, акустическая гитара, хоры, фиоритуры... Леонтьев поёт из-за стекла в студии “Миллионы ангелов, миллионы ангелов”... Душевно так... Возимся с каждой нотой.

Потом Валера выходит из микрофонного бокса, прикурил сигарету, прищурился и говорит:

- “Прям за душу хватает... Юр, но ведь я как думаю... Кому эт сейчас надо, чтоб его за что-то хватали? Кто это вообще слушать будет-та? И чем?

Пару месяцев спустя Наталья Георгиевна, мой директор, доставила меня на концерт “Песни Года” в кремлёвском зале. Там был весь цвет российской элиты — Калинин, Николаев, Газманов, Киркоров, Игорь Крутой, Наташа Ветлицкая и др. Весело пообщались.

Валера вдохновенно пел “Миллионы ангелов, миллионы ангелов” ” и летал над сценой с кисейными ангельскими крыльями за спиной... Публика орала Валера-а-а... Мы, тут же за кулисами, дали интервью ОРТ — ведущая всё допытывалась, мол, поделитесь, как такая красота делается...

После этого я этой песни ни разу не слышал. Нигде.

Почему? Сложный вопрос... То-ли не сумел ухватить за что-

то, то-ли незачто было уметь хватать...

P.S.

Но ведь ангелы то были... миллионы и больше... это я точно помню...

Ловушка, "чёрные дыры" и измерения

Погибать, так погибать...

Она сидела в кресле под тёмным торшером с перегоревшей лампочкой и думала — как бы его поймать...

Он раскрыл лэп-топ и увлечённо копался в интернете, напроочь забыв, что здесь вообще кто-то есть ещё.

Он

Он даже не вспомнил о ней потому, что она существовала в другом измерении и их пути пересекались редко, случайно, и только если в постелях засекреченных точек в зоне НЛО (незарегистрированных личных отношений). Там они и встретились в первый раз. Там же “пришла любовь”, как говорят, когда её никто не ждал.

Хищная постель, чавкала как “чёрная дыра”, и своей прожорливой супер-гравитацией поглощала любые измерения, пространства — словом любые известные и неизвестные субстанции и предрассудки. Там все были одного роста, интеллекта и сущности. И её космогенная суть исключала понятие — думать. Она заставляла делать. Делать и делать... и ещё... Пока ни проявлялось сознание, и “чёрная дыра” насытившись, начинала неохотно рассасываться. А когда сознание всё-таки включалось, то выключалось желание делать и возвращалось желание думать...

... даже если небыло о чём...

Тогда они с ней опять расходились по своим измерениям и он с удивлением думал — как это могло произойти? С какой стати? Зачем?

К тому же “Дыра” не оставляла следов ощущений и чтоб их вспомнить, было необходимо нырнуть обратно в “Дыру” и т. д. ... В конце концов он решал про себя, что следующий раз он не будет делать то, о чём потом, наяву, будет непонятно что вспоминать...

Но наступал следующий раз и всё случалось так же неожиданно и странно, как и до...

Всё. Это ловушка — думал он.

Она

Но она то знала, что это ещё не ловушка...

Настоящая ловушка никогда не отпускает жертвы.

Собственно его только и спасало то, что она была просто вынуждена иногда думать. Думать, как его поймать. А когда она думала, она была не способна делать. Думать и делать были для неё понятиями совершенно несовместимыми, как она ни пыталась их совмещать. Но заманить его в ловушку она могла только когда делала...

В общем, она где-то теряла контроль над ситуацией и вот, сидела и мрачно размышляла — как же теперь быть?

А что если попробовать делать вид, что делаешь, но не делать, а думать? — Она задумалась... Для мужиков — думала она — это совершенно не реально, но я же женщина... Какое мне дело до того, что ему надо делать? Я-то могу ничего не делать, а лежать себе и думать! Вот тогда то я его и поймаю!

Стоп! — испугалась она — поймать то я его, поймаю, но как удержу? Он перестанет делать и, когда начнёт думать, то поймёт, что я думала, а не делала... Да и вообще, какой тогда смысл...

А-а-а... — догадалась она — в тот момент когда он кончит делать, я начну делать...

Стоп... но если я начну сама делать, то не сумею думать. А он какое-то время только и будет делать что думать, да и ещё неизвестно о чём...

ОК.

А может ловушка и есть в том, чтобы вообще не думать а только делать?

Но он же не сумеет делать бесконечно, как робот?

Ну и чёрт с ним — решила она — если он не сможет делать, то делать сможет кто-нибудь другой!

Вот дура — потёрла она коленками — и зачем я вообще думала как мне думать? Делать надо.

Он пусть себе думает, что делает, а я в это время буду делать, что думаю. Ведь что важно-то? Важно чтоб в ней (т. е. в ловушке) кто-то был (В другом случае зачем она нужна, ловушка то?).

Теперь... Кто именно?

Это уже другая тема — здесь никаких гарантий... раз на раз не приходится... Конечно я его люблю, но в этом деле главное — не давать слишком расслабляться... И вообще — не зверь должен бегать за ловушкой! — озарило её — зверь, он что... дурной что-ли? Не-ет, это ловушка должна бегать за зверем. И чем больше зверья, тем больше шансов поймать... Хотя и конкуренция конечно, не сравнить — она вздохнула.

—“Главное, чтоб он туда дальше влез. И пока он будет

копошиться и вылезать, я в это время ещё столько наловлю! Пусть они там разбираются, а я буду ими руководить... так сказать, разделяй и властвуй” — думала она, в полудрёме, свёртываясь калачиком на тесном кресле...

- “Дальше влез — больше дров” — зачем-то абсолютно не в тему выдал засыпающий мозг. “О дровах стоило бы подумать отдельно” — прищипила она эту мысль, как памятку, к первой же картинке возникшего перед носом сна...

-“Какие ж мы всё-таки бабы, умные” — смутно, но приятно мелькнуло вслед у неё в голове...

Он

А интернет вообще не давал сосредоточиться, как взбесился... Мельтешил, щетинился и выпрыгивал на него миллионами весёлых нахальных капканов и западков. Он смотрел на скачущие табуны беспризорных ловушек и с тоской думал:

- “Эх, если уж погибать, так погибать... хоть будет что вспомнить. Но лучше уж одна домашняя, ручная ловушка, чем стадо диких... Затопчут...”

Он потянулся, зевнул, покосился на спящее калачиком, сладко посапывающее измерение. В его измерении было тошно и скучно. Он тайком перебрался в её, и поцеловал её в губы...

Музыка — это вообще суть нереального

Развернувшись у ресторана “Пекин” на Маяковке, я свернул на узкую улочку и после первого светофора въехал во двор. Остановился у подъезда с широкой лестницей.

Не успел я закрыть машину, как с лестницы, галдя и толкаясь, посыпалась толпа девчёнок и бросилась ко мне:

- “Юрий, Вы сейчас увидите Аллу Борисовну Пугачёву!” — прижав кулачки к груди и задыхаясь от волнения пролепетала глазастая девчушка лет тринадцати.

- “Спокойно дамы — говорю — всё не так безнадёжно. Мы видимо поедem репетировать и вы, когда мы будем выходить, сможете самостоятельно урегулировать ваши взаимоотношения с Аллой Борисовной...”

- “А можно передать ей записочку” — пискнула рыжая толстушка. Но я уже успел набрать код и скрыться за дверью.

Тем не менее войдя в лифт, я обнаружил кучу записок, незнамо как незаметно засунутых в карманы моей куртки...

- “Спасибо — улыбнулась Люська, ткнув себе в нос протянутой мною розочкой — мы только проснулись” — и тщательно закрыла за мной дверь на замок. Мы с Люськой уважали друг друга. Я — за то, что она годами была беззаветно предана Алле, прощая ей все её заскоки, а она... Впрочем я не знаю, за что она меня уважала, но чувствовалось что — да...

Растрёпанная Алла в шёлковом халате сидела на диване у стола и сосредоточенно чиркала зажигалкой. Я вывалил на стол записки. Алла перестала чиркать:

- “Господи, когда-ж они спят... — повертела в руке бумажку — в четыре смены дежурят что-ли?” — вздохнула и начала опять безнадёжно чиркать. Я поднёс к её сигарете огонёк, она прикурила и только сейчас подняла на меня глаза:

- “Тебе-то что не спится в такую рань? (время, часа два после полудни) Или опять что-нибудь наваял?”

- “Наваял — говорю — просыпайся, попробуем”. Люська за барной стойкой готовила завтрак. Вкусно пахло хорошим кофе.

- “Ты как рокфор то ешь, его надо с персиками... постой... Люська! Где персики!”

Действительно, рокфор с персиками был восхитительно вкусным.

Я до сих пор иногда люблю завтракать рокфором с персиками или манго...

— “Ну пойдём, что там у тебя” — устроились у рояля.

Через пять минут мы уже сносно могли спеть первый куплет:

— “А я ждала, а я ждала...”. Спели ещё, и ещё... Нам нравилось.

Алла наконец проснулась, заблестела глазами:

— “Юрок, а ничё... а ну давай сначала” — посмотрела в текст, пошевелила губами и растерянно уставилась на меня:

- “А я-ж дала, а я-ж дала...”.

Я смеялся так, что упавшая крышка рояля чуть не отбила мне пальцы. Мы с трудом запили истерику коньяком, который притащила всполошившаяся Люська. Утреннее “хи-хи” — это вам не просто так... это серьёзно.

Вечером набилось столько народу, что Руслан Горобец (руководитель “Рецитала” и мой приятель ещё по “Макам”), который гордо исполнял роль тамады, был вынужден разливать буквально по всем закоулкам небольшого Аллиного холла.

Мы с Сашей Руцким, вице-президентом России, спрятались в углу за роялем и увлечённо беседовали о связях между политическими катавасиями и развитием музыкальных направлений в период народной смуты. Саша постоянно чихал в усы и сокрушённо мотал головой, виня во всём нестабильность российского климата. Через полчаса и я начал чихать, виня про себя нестабильность иммунитета Саши Руцкого...

Беседовать становилось всё сложнее, так-как уровень громкости разговоров всех присутствующих начал серьёзно зашкаливать. В конце концов, по ускользнувшей от меня причине, Руслан обиженно откланялся. За ним потихоньку начали исчезать и все остальные.

Мы остались втроём. Посидели в прокуренной тишине. Саша чихнул, чертыхнулся и ушёл тоже, пожелав нам здоровья.

- “Музыка — это вообще суть нереального. Бог знает откуда это всё падает и ещё более непонятно каким образом это действует на людей, да и не только на людей...” — размахивал я руками, чихая. Алла полулежала на диване и переводила взгляд с кончика сигареты на меня и обратно...

.....

10 лет спустя

10 лет спустя я прилетел из Лос-Анджелеса на недельку в Москву...

Пасха

Сижу, скучаю у телефона и не знаю — то-ли спать лечь, то-ли позвонить кому. Дай думаю позвоню Алле, поздравлю, хоть она там наверно в кругу друзей и ей явно не до меня... Звоню:

– “Привет, с праздником”

- “Юрок, ты где?”

- “Да вот...”

– “Давай, приезжай, я сегодня одна. Все куда-то подевались...”.

Несмотря на то что Аллу, даже имея развитое воображение, нельзя назвать душой одинокой и неприкаянной, в тот момент я подумал именно так.

Улыбчивая Люська открыла дверь: “Хорошо, что ты приехал. А то надоели все...”. Алла вышла из комнаты навстречу, обнялись — ...ну как ты... ну как ты... Люська мечет на стол, а мы заболтались — столько лет не виделись...

- “Так, Юрок. Ну-ка вставай. Пойдём в мою церковь. Сегодня надо свечи ставить”.

Церковь была во дворе Аллиного дома на Таганке. Увидев Аллу, все расступились и мы вошли во внутрь.

Всё время, пока мы смиренно ставили свечи, стояли и калялись перед алтарём в пасхальном запахе исходившем от колеблющихся ликов святых, меня не покидало ощущение, что я никуда никогда отсюда не уезжал. Что все мои странствия — Италия, Германия, Индия, Франция, Америка — это только видения из другого разума. Что стоит мне себя ущипнуть и мы начнём записывать песню “Белая дверь” или “Кафе танцующих огней”... Какой-то сдвиг по времени...

И мерцающие глаза Аллы, дающей мне зажжённую свечку, я видел только вчера и до... без провала во много лет...

Такая мучительная ностальгия по чему-то непонятому и недожитому, что и есть удел всех нас...

Такое до боли щемящее чувство нежности к стоящему рядом со мной, в сущности совершенно не от мира сего, существу по имени Алла.

Перебивая друг друга мы вспоминали наши приключения, чокались, смеялись, пытаюсь объяснить на пальцах то, что не получалось сказать набитыми закусочной ртами...

Звонок.

- “Ну как ты там, мой любимый” — слушает стрёкот из трубки — “Ну вот и хорошо, приезжай скорей, целую” — трубка упала на стоящий вдалеке диван. Нацепила на вилку кусочек ананаса — “Хоть позвонил...”.

Что-то резко поменялось в окружающей атмосфере... Алла

установилась на пламя свечи и как-будто исчезла из этого пространства...

Вдруг! –

- “Сейчас я тебе что-то покажу” — бросилась в соседнюю комнату, загремела коробками CD и кассет.

Зовёт:

- “Иди-ка сюда, послушай вот...”

Я никогда не забуду шок, который я испытал, когда Алла включила шипящую старую кассету, мой азартный голос из ниоткуда:

- “Музыка — это вообще суть нереального. Бог знает откуда это всё падает и ещё более непонятно каким образом.....”

Это надо-ж — записать, сохранить... да ещё помнить, где найти...

P.S.

- “Юрок, куда ты сейчас... поздно-то как... оставайся, Люська тебе постелит...”.

- “Не надо Алусь, пойду я... такси-же ещё не отменили...”.

Долго обнялись на прощанье, постояли...

Я вышел в Таганскую промозглую сырость.

С чёрного неба что-то моросило.

Пасхальная ночь была в разгаре.

Не нашли покой в покаянии -
Получите бред из первых уст,
Получите смысл из первых уст,
Только человеческое понимание
Не получите...
не получится...

А не хватит сил больше мучаться -
Не пеняйте в след дару божьему...
Доживите всё, что положено
Доживите всё, что не сбудется
И оставьте им своё...
что осталось...